

Пётр Червинский

СЛОВАРИ ТОЛКОВАНИЯ СЛОВИДЕНИЙ

Заметки к строению интерпретативной модели

Пётр Червинский

**СЛОВАРИ
ТОЛКОВАНИЯ СНОВИДЕНИЙ.
Заметки к строению интерпретативной модели**

Тернополь
«Крок»
2010

Библиотека научного альманаха «Studia Methodologica»

Червинский П.П. Словари толкования сновидений. Заметки к строению интерпретативной модели – Тернополь: Крок, 2010. – 116 с. – (Библиотека научного альманаха «Studia Methodologica»)

ISBN 978-966-2362-33-6

Семантика образов сновидений, как знаков, передаваемых и выражаемых словами привычного языка, может собой представить объект и область не только психологического, семиотического, но и лингвистического интереса, на стыке проблем языкового сознания, национальной ментальности, идеологии и культуры. Словари сновидений содержат материал, позволяющий касаться глубин не только сознания и подсознания, определяя особенности, на этой основе, различных сторон не во всем гармоничного «я», но и, при особом подходе, вопросов семантики языковых (лексических в первую очередь) единиц. Вопросы семасиологии, мотивации, коннотаций, ассоциативности, употребления, отчасти также этимологии. Касаться внутренних скрытых пружин их проекции для сознания и языка, в том числе сознания и языка определенного времени, определенного мировоззрения, определенного общества и эпохи. Своего рода традиции, таксономической и аксиологической, восприятия и отношения к миру, какой можно было бы посчитать когнитивность, ментальность носителей русского языка второй половины XX века. Реализация такого подхода, основанного на известном принципе изоморфизма, или единства, в данном случае ментального, мира, открывающего еще не использованные возможности, предполагая поиск и определение связей, пока что неясных, не видимых, не обнаруживаемых, реализация эта, как представляется, может быть осуществлена при системном, парадгматико-синтагматическом изучении соответствующего материала как в его вербально-знаковой, так и объясняющей, интерпретирующей части. Две предлагаемых небольших работы, объединенные общей проблемой и общим названием, можно рассматривать как попытку такого, парадигматического в своей основе, подхода, с намечаемой синтагматикой в перспективе.

ISBN 978-966-2362-33-6

© P. Czerwiński, 2010.

Парадигматика сновидений контакта.

Троичная модель сенситива¹

Открывание двери

Представьте себе, что вы оказались вдруг в многолюдном собрании, где вы никого не знаете, где всё вокруг непривычно, никто вас не замечает и не смотрит на вас. Вы ощущаете себя отстраненно-натянуто. Отстраненно – поскольку всё окружающее вам незнакомо и вы не участвуете в происходящем, к тому же вы не предмет внимания находящихся там. Натянуто – поскольку вы всё же в каком-то присутствии, вроде бы как на публике, не наедине с собой.

Отличительная особенность данного состояния – в его случайности. Неактуально то, как вы там оказались, это совсем неважно, важно само отстраненно-натянутое и наблюдающее ваше присутствие.

Вы не знаете, что поспособствовало тому, чтобы там оказаться, туда попасть. Это *времяпрепровождение*, остановленное в какой-то картине движение, ток событий, неведомых и не известных вам.

Вы находитесь там, потому что вас туда привело, обстоятельства так сложились, не важно, какие теперь обстоятельства, вас втянуло, ввело в событие, вами никак не планированное, не ожидавшееся, не предчувствовавшееся, к которому вы не стремились, которое не подстегивали, однако которого не старались и избежать,

¹ Публикация в Интернете: Творчество и коммуникативный процесс – Creativity & Communication Process (<http://www.nicomant.org>). Вып. Второй. Т.2 (1999).

просто поскольку его возможность не ощущалась, не осознавалась, не предполагалась вами.

Определим это, признаем это как тип, только вот тип чего – состояния, погружения, вхождения? Может быть, тип участия или же самопроекции?

Состояние это можно сравнить с попаданием в незнакомую дверь, точнее в незнакомую и необычную комнату, странное помещение, через *какую-то* дверь. Когда вы за ней оказываетесь, события происходящего на ваших глазах и вами не ожидаемого вытесняют и делают неактуальным дверь туда-попадания, дверь послужила и больше теперь не служит, дверь потеряла свой актуальный смысл.

Неактуальным может быть также теперь и то, что осталось за дверью и с чем вы в нее вошли. По размышлении вы также не знаете, как может отразиться то, что здесь теперь перед вами, на том, что осталось там, за спиной и вне.

Вы просто себе шагнули – и вот. Может быть, даже и шага не было. Просто раскрылся сам неизвестный мир, точнее какое-то из его событий, какой-то его фрагмент, поскольку вы всё-таки понимаете, что то, в чем вы теперь оказались, бывает, или вполне возможно, или даже случалось с вами, просто место и время его вами никак не планировались.

Назовем этот тип вхождения *попаданиями*, поскольку случайность и независимость – от желания (нежелания), воли субъекта, будут наглядными для него, очевидными и определяющими.

Попадания характерны для текстов фольклорных сказок, передавая в наглядных и трансцендентных образах впечатления и ощущения познающего, иницилируемого сознания. Всё происходит быстро, одним каким-нибудь поворотом невидимого ключа, и также быстро, мгновенно, в какое-то иногда отмеченное ходом событий

время, потом исчезает, переворачивается, возвращая на место либо в другое, новое место переноса.

Золушка попадает на бал и также потом исчезает с бала; должна исчезнуть с боем часов. Красавица, надевая кольцо, оказывается в прекрасном дворце невидимого ею чудовища, и также потом попадает оттуда в родительский дом, чтоб потом через время туда вернуться. Спускаясь по лестнице в подземелье, принцесса бежит тайно на бесовские игрища, танцует и пляшет там, возможно, среди мертвецов. В подземный мир с невиданными сокровищами и чудесами, поднимая только ничем особенным не примечательную плиту, попадает в известной арабской сказке герой.

Попадания, как сюжетный мотив, то, что движет действие, типичны для авантюрной и романтической литературы – испанской, немецкой. "Хромой бес", "Жиль Блаз" Лессажа, "Рукопись, найденная в Сарагосе" Потоцкого также используют этот прием.

Механизм ощущения *попаданий* активно используется в современных рекламах и клипах.

Ситуации, отмечаемые стандартными фразами – *Куда я (мы) попал(и)? Где я нахожусь? Что со мной происходит? Что я здесь делаю? Чем я здесь занимаюсь?* – передают субъективное ощущение *попадания* и посторонности, непричастности, странности происходящего для себя с оценкой неодобрения и неприятия, удивления, уже на этой мотивационной основе.

Попадания – довольно типичное и характерное впечатление сновидения. Во сне человек оказывается вдруг где-то, попадает куда-то, где ощущает, чувствует себя не участвующим, не вовлеченным в круг, наблюдателем, не отдавая себе отчета в том, зачем, почему и как он здесь оказался, нередко даже и не задумываясь над этим, не ставя перед собой таких вопросов.

Сны подобной природы могут быть признаком

эмоционального и психологического состояния, могут быть также, по-видимому, свойством типологическим, передавая и проецируя особенности концептуального отношения к миру, особенности сознания воспринимающего и проецирующего сновидение субъекта.

Попадания, по-видимому, отражают внутренне психологические впечатления, память рождения, появления на свет. Родившийся человек в полной мере, как правило, не осознает и разумно потом не помнит, что с ним происходило в тот самый момент, остается, видимо, лишь впечатление переживаемой неожиданности и чуждости вхождения и перехода из одной сенситивной среды в другую, в которой чуждость сродни ее непонятности, неизвестности, невозможности непосредственного взаимодействия с ней.

Отнюдь не случайно во всех мифологически и ритуально ориентированных архаичных культурах новорожденный, родившийся воспринимался, рассматривался первое время как *не свое*, не социализированное еще, не человеческое, все еще как потустороннее и мертвое, которое следовало ритуально очистить от не своего, чтобы только затем иметь возможность принять, адаптировать и включить в свое родовое.

Кто мы такие, куда мы идем?; прийти, появиться на свет, войти в этот мир – эти и другие подобные речевые формулы, отмечающие идею рождения и жизни в земном, передают также смысл непрерывности, – если не совсем сознания для родившегося, поскольку отсутствует память того, откуда пришел он, того, что оставлено им "за дверью", – то во всяком случае непрерывности ощущений, непрерывности сенситивной.

Во многих движениях-переходах возможно затем повторение смысла события *попадания* – "беспамятного" вхождения в некий открывшийся мир, "не обремененное памятью" в нем присутствие. И только преемственность

ощущения, его непрерывность свидетельствуют о продолжении, длительности, не исчезнувшей экзистенциальности пребывающего в данном событии "я".

По-видимому, типологически значимым должен быть круг подобных событий вхождения – событий для *попадания*, не говоря уже о психологической, а также психической их отмеченности.

Попадания могут восприниматься как типологическая основа событийных интерпретаций, репрезентирующих образы сновидений.

Сновидение очень часто моделирует *попадание*, однако событийная интерпретация образа сновидения и собственно сновидение далеко не одно и то же. Интерпретация содержит в себе неизбежно и явные признаки дополнительной обработки сознанием, и ощутимый конвенционально-общественный компонент, дающий возможность *интерпретировать интерпретацию*, с точки зрения аксиональной прежде всего – с точки зрения общественно значимой ценности воспринимаемого и оцениваемого события как события *попадания*.

Из всех возможных интерпретаций для данного рассмотрения были отобраны только те и такие, которые актуализируют, определяют, затрагивают, имеют смыслом сферу межличностных взаимодействий и отношений, коммуникативно-контактную сферу носителей современной русскоязычной ментальности. Мотивом выбора послужила идея изоморфизма – скрыто себя отражающего и выдающего сходства предмета и формы общественно значимого обнаружения и проявления для него. При этом формы в отношении этого своего предмета спонтанной, намеренно, внешне, со стороны сознания не контролируемой, поскольку направленной в своей интерпретирующей организации на другое.

Есть некий образ у сновидения – передаваемый, называемый, воплощаемый словом того или иного наци-

онального, в нашем случае русского, языка. Есть объяснение, интерпретация этого образа, осуществляемая не просто того же языка построениями и словами, а в перцепциях и концептах, характерных, типичных для современного речевого узуса данного языка.

Объяснение, таким образом, оказывается *интравертным* по избранному предмету, будучи направлено, с его точки зрения, как бы на себя самого: концептуальными средствами коммуникативно-контактной среды оно стремится интерпретировать знаки, значения и события этой среды.

Подобное описание «через себя» дает возможность увидеть не столько явный, сколько скрытый и внутренний механизм – чувствительную образную основу взаимодействия когнитивного эго с коммуникативно-контактной средой, отношение, восприятие, перцептивный образ среды для взаимодействующего с ней речевого сознания.

Куда попадают и с кем взаимодействуют, чем субъективно оказывается для попадающих то, куда попадают, и чем являются друг для друга те, кто между собой регулярно взаимодействуют.

Вопрос этот может быть только поставлен. Типологическое рассмотрение исходного материала (социализированно отмеченные интерпретации образов сновидений) по избранным основаниям (в категориях ощущений) предполагает достаточно специфический разворот для предметной группы (впечатления и модели средового взаимодействия и контакта "эго"), с тем чтобы можно было считать возможным ее это рассмотрение скольконибудь однозначным и полным.

Цель рассмотрения состоит в другом. В том, чтобы показать перцептивно-образные и чувствительные механизмы, создающие и формирующие при помощи некоторого набора типологически определяемых единиц и их

категориальных значений, модели и формы активного аксионального, системоценностного, отношения "эго" к тому и к тем, что рядом, вокруг и вне – к среде, окружению, своему другому.

Для целей этого придется многое интерпретировать и воплощать не совсем привычно, под некоторым своеобразным структурно-мотивационным углом, поворачивая известные смыслы другими смыслами, не понятными уже, не предметными, а сенситивными, психофизическими и моделирующими.

Попадания будут составлять при этом одну из возможных групп вхождения в открываемую дверь. Воспользуемся пока, для лучшего понимания того, о чем говорится, метафорическим способом изложения, прежде чем возникнет весомо возможность все сказанное и объясняемое категориально формализовать, вписав его в некоторую концептуальную парадигму.

Две других типологически равных группы можно определить как *протяженности* и *сцепления*. Общим, объединяющим признаком этих трех – попаданий, протяженностей и сцеплений – будет их невнесенность; взаимная предварительная неориентированность, незаряженность взаимодействующих компонентов-участников – "я" и среды – до их взаимодействия друг с другом. Незаряженность внешнего и незаряженность внутреннего, со стороны входящего "эго" и со стороны среды, – двух составляющих осуществляемого взаимодействия-контакта.

Попадания обладают признаком погруженности, для них главное – оказаться в среде и какое-то время там находиться, в среде пребывать. Попадания – это темпорально-статальные пребывания в среде, и для них характерны, типичны, следовательно, показатели времени, состояния, экзистенциональности и среды (местоположения, месторасположения, социального места).

Протяженности представляют и раскрывают, ак-

туализируют идею континуума, перспективы и череды, идею последовательности и длительности однообразий, подобий и однородностей, связываемых так или иначе с проекцией линии и числа и совмещаемых потенциально с экзистенциальным временем пребывания, состоянием "эго" в среде пребывания.

Сцепления – проецируют происходящие связи и столкновения, конфликты и конвергентные акты, актуализируя значения соединения / разъединения, адаптивности / дезадаптивности "эго" к среде своего пребывания, согласованности / рассогласованности в экзистенциальном времени своего состояния (местонахождения, местоположения) в ней.

Попадания, протяженности и сцепления, таким образом, актуализируют в общем наборе категориальных признаков, каждое, что-то собственное и свое, отличающее его от другого. Попадания – среду как *место* во времени своего пребывания (экзистенциальности) в ней. Протяженности – среду как *длительность* этого своего в ней экзистенциального времени состояния. Сцепления – среду как реализуемую *конвергентность* в экзистенциальном времени своего состояния в ней.

Разрешение противоречий, или ответ на вопрос

В состоянии сна, и не только, собственно в любом своем состоянии, человек может находиться под впечатлением, с отпечатком других, волнующих его и (или просто) предшествовавших событий. Будучи *заряженным* ими внутренне. И тогда происходит так, что данное, переживаемое им в настоящий момент состояние, разрешает и объясняет смысл предыдущего, оказываясь ка-

ким-то образом внутренне связанным с ним.

Это и будет, по нашему определению, разрешение противоречий, или ответ на вопрос. Субъект сновидения входит в свое состояние сна не независимым и отвлеченным, а с впечатлением, значимым отпечатком волнующих, беспокоящих, не разрешенных проблем своей повседневности. Не обязательно в данный момент, предшествовавший непосредственно состоянию сна, им осознаваемых и для сознания его актуальных, но живых и волнующих и как недавние, свежие впечатления и события воспринимаемые. Возможно даже такие, которые, не будучи на поверхности, может быть даже вытесненные, имеют существенное и даже определяющее значение для человека.

Это никак не случайное попадание, это скорее *встреча* с своим известным, напоминание в образах сновидения и способом сна – как отвлеченно блуждающего, витающего, по-своему медитирующего состояния сознания – о *важном забытом*, выход загроможденного, заставленного актуальностью повседневности того, что действительно, может быть, а не по видимости, актуально для «эго».

Переживания этих образов, восприятие и адекватная интерпретация, правильное их понимание могут позволить видящему выработать линию поведения, скорректировать свое отношение и проекцию к среде.

В данной группе (ответ на вопрос, или разрешение противоречий) можно выделить три разновидности: *сепарация*, или снятие, нейтрализация, устранение, *рефлексия*, или обращенность, возвращение к прежнему, прошлому состоянию, переживанию, событию, и *динамизация*, или поддержка, развитие, усиление, нагнетение, сгущение, накапливание имеющегося исходного.

Три разновидности отражают и воплощают возможный как оптимальный и предлагаемый или диктуе-

мый сновидением способ преодоления (разрешения) внутреннего вопроса – через отказ, отделение, отдаление от него (сепарация, устранение), через возврат, обращение к прошлому опыту, его актуализацию и пересмотр (рефлексия) и, наконец, посредством его усиления, с настоящей необходимостью его разработки, развития в ближайшем дальнейшем.

Сенситивный, переживаемый опыт второго типа (ответ на вопрос) отличен от первого – с открыванием двери. Если первый, внутри себя, воплощает идею вхождения, начала и перехода – с утратой, забвением, невосприятием предыдущего, идею космического, космогонического по смыслу (для микро- и макрокосма), развертывания, *вдруг и сейчас на глазах*, того, что на деле *другое*, и что не связано памятно и в сознании с состоянием и переживанием событийного бодрствования, почему он и близок мифологеме трансфера, переворачивания-переноса с попаданием в неизвестное через невидимую предграду-завесу-калитку-форточку-дверь, – то второй, предполагая исходно заряженность изнутри, изначальную озабоченность «эго», связан, если продолжить фольклорно-мифологические аналогии, с мотивами разрешения задач, с ответами, получаемые витязем на распутье: *пойдешь налево, коня потеряешь, пойдешь направо, сам погибнешь* и пр.

Это собственно не столько космогонический, сколько социализированный, социализирующий, если точнее, обучающий, дидактический, уровень, предполагающий обращение, апелляцию (к высшему, знающему, старшему, информационному обладателю, авторитету, учителю) и получение, приобретение – знания, правила, кода, ключа. И если подобный уровень также отчасти может быть понимаем как своего рода иницилирующий переход, то это переход-возвышение, переход-приобретение, переход с повышением на ступень, переход, предполага-

ющий поиск и обретение, удовлетворение ищущего и "утоление жажды", часто бывает, что "жажды над ручьем", но невидимым, не осознаваемым, ручьем невозможности, необладания или забвения.

Внутри сознания изначально присутствует некое своего рода *пойди туда, не знаю куда*, царственно не до конца прорисованный императив *отправления* – за каким-нибудь молодильным яблоком Гесперид, золотым пером, утраченным мужем – заколдованным принцем (женой-принцессой), жар-птицей в клетке, волшебным конем, живой и мёртвой водой, печенью морского зайца, исцеляющим средством и прочим чудом. Это мотив путешествия-поиска – *обреченного* путешествия, начало-толчок которого лежит вне воли и вне желания-нежелания, но в (о)сознании совершающего, с неизбежным ему подчинением, с замороженным и неотступным преследованием, следованием ему до той меры и степени, которая собственно полностью (пред)определяет смысл бытия, существования «эго» на весь, до возможного разрешения вопроса, экзистенциальный момент.

Субъект сновидения до конца не знает, не осознает стоящей задачи, она открывается и разрешается (вероятно, возможно) ему в состоянии сна.

Если при открывании двери сознание сталкивается с вопросом, *кто мы такие и куда мы идем* (опять-таки вероятно), то при разрешении противоречий это вопрос – *зачем идем?* (и как его вариант – *за чем?*).

Исходным категориальным для разрешения противоречий будет некое экзистенциальное обладание, некое событийное положение, своего рода структурная композиция, или ситуативный расклад, – то, что было, имелось, предшествовало.

И тогда *сепарация* (отделение) будет иметь со-держательным смыслом некую операцию к снятию, нейтрализации, удалению, обособлению, выходу «эго» из

ситуации, освобождение, избавление от обладаемого.

Рефлексия – операцию к возвращению – к знакомому, прежнему и освоенному, с необходимостью обращения и преобразования (возможно) его для себя внутри.

А развитие (динамизация) – операцию к продолжению, усилению или поддержке имеющегося.

Общим, объединяющим для трех будет идея оператора, а также категория отчуждения-освоения и участия-приобщения.

В этом отличие данной группы от первой – группы *открывания двери*, для которой объединяющим были идеи и категории статальности-темпоральности, пребывания, и эго-среды.

Механизм такого отличия (следуя за идеей изоморфизма) можно в целях наглядности показать на примере слов, поскольку и сами слова, используемые в качестве дефинитивов, описывающих и трактующих, объясняющих образы сновидений, вполне поддаются интерпретации как значения-меты соответствующих чувствительных типов и их разновидностей.

Рассмотрим три слова – *гость, компания, праздник*, – общего релятивного уровня, валентностно общие в отношении «эго»:

Гость: *пришел, сидит, ушел; званный – незванный; прийти в гости, оказаться в гостях, уйти, вернуться из гостей, после гостей, от гостей, быть, побывать в гостях* (т.е. самому для других оказаться гостем).

Компания: *попасть в компанию, оказаться в компании, своя (чужая) компания, водить (с кем) компанию, быть в одной компании, (вместе) проводить время в компании, веселиться в компании, веселая компания (друзей, знакомых, приятелей).*

Праздник: *попасть на праздник, принять уча-*

ствие в празднике, оказаться на празднике, веселиться на празднике, что это был за праздник!, веселый, радостный, шумный праздник, на душе (был) праздник, устроить себе праздник (он мне устроил праздник – также и в переносном значении, с оттенком разочарования, горечи, неприятия).

Оставим без внимания очевидно-видимые категориально отличия: *гостя* – лица-субъекта, равного «эго», возможно как «альтер-эго», *компании* – группы лиц и среды общения (взаимодействия) «эго», *праздника* – времени и состояния некоей акциональной проекции «эго». Обратимся к рассматриваемым значениям разнovidностей сенситивных типов. Не будет, по-видимому, сомнительным утверждение о том, что каждое из трех слов содержит значение (компонент), имеющий отношение к ощущению – к способу и характеру восприятия и перцептивной проекции «эго».

В зависимости от избранного критерия-основания могут быть разные следствия. Так, *гость* и *компания* субъектны, но различны числом. *Компания* и *праздник*, имея основой некую протяженную темпорально-статальную длительность, отличны по показателю перцептивного равенства, идентифицируемого тождества к «эго» и способа взаимодействия и проекции в каждом: одно дело *быть, оказаться в компании* (= участвовать, взаимодействовать в равном и среди равных себе), другое дело – *на празднике* (= возможно, что наряду, вместе с равными в чем-то объединяющем и энергетизирующем третьем, совсем другом).

Но опять же не это предмет сравнения. Сопоставляются показатели обобщенного обращенного релятива, – того, чем являются и чем оказываются *гость, компания, праздник* для «эго» и в отношении «эго» как отвлеченно блуждающего, витающего, не прикрепленного в момент сновидения медиального бытия [1], – как того,

что и кто (или только кто), вербализуя и обобщая, воспринимает внесенно-вынесенный в сновидении (внесенный в сон и вынесенный в него *из себя*, т.е. из «эго», как проекция свойства «эго» [2]) и обозначенный словом объект (= не объект, поскольку во сне как образы *гость, компания, праздник* не отражаются, не присутствуют, это объекты-интерпретативы, то, при помощи чего знаки-образы сновидения объясняются). Как он, этот видящий, наблюдающий, просто присутствующий в каком-то месте в данный момент воспринимает этот внесено-вынесенный объект применительно к своему перцептивному и каузативному опыту, диктующему и подсказывающему ему, т.е. «эго», что и чем является для него то, другое и третье и чем грозит оно для него в своих воздействующих на него последствиях. Это опыт психофизической ориентации – знания мира в его возможностях отражающихся на «эго» воздействий. Опыт и знания далеко не всегда и не только индивидуальные, а в нашем типологическом, обобщающем, случае так исключительно не таковые.

Гость по этому показателю – то, кто и что всегда, приходя, уходит, должен уйти, в этом смысл его. Это *стороннее, отстраняемо-отстраненное, отделяемое*, т.е. сепаратив.

Это *гость* для *ответа*. Ответа на вопрос, или разрешения противоречий – как сенситивного типа проекции «эго» в момент сновидения.

Возможен также, по-видимому, и *гость* для открытия (открываемой двери). В структуре этих значений *гость* представляет собой, воплощает идею сцепления, конвергенции в экзистенциональном статальном времени взаимодействия со средой (и в среде) для «эго».

Гость, возможно, и должен иметь отношение к сенситивному типу – открывание или ответ. Или что-то третье. И это третье, которое представляется объясне-

нием неизвестного и о котором речь впереди.

Компания, соответственно, то, с кем и в чем проводят время, в ком и в чем, воплощаясь, контактной, для «эго», частью отражают себя. Компания – это прежде всего среда и эхо, отзвук эго-взаимодействия и эго-проекции, то, на чем и в чем проверяют и с чем соотносят себя. Это группа лиц и среда, экран для самовоплощения, корректировки и коммуникативной, взаимодействующей реализации, предоставляющая возможность рефлексии «эго». *Компания*, таким образом, рефлексив.

Это *компания* – для *ответа*. Для взаимодействия в плоскости складывания, соединения, притяжения двух половин.

Компания для открывания двери – для плоскости вкладывания, растворения, помещения себя внутрь, представлять будет *попадание* – экзистенциальное состояние (время) – место (пребывания) в среде.

Применительно к сенситивному типу *компания* видится как ответ (на вопрос, = на запрос), как раз и будучи той второй половиной для «эго», с которой «эго» взаимодействует и с которым у него отношения складывания, соединения и притяжения (либо отталкивания, что в сущности то же самое).

Праздник требует, как известно, участия, с отключением от привычного, и часто немалых сил, связанных и с подготовкой к нему и с самим участием. После праздников *в будни* нередко *входят*, потратив и эмоциональные и экзистенциальные силы на празднование, (шумные) празднества; от праздников, после праздников *отдыхают*, необходимо, следовательно, переключение акциональной и сенситивной сферы, расходовавшихся и заряженных праздником эмоций, энергии, сил. Праздник включает, втягивает, заряжает, энергетизирует и сильно заводит, предполагая и получение, но и, в не меньшей мере и степени, расходование, отдачу и трату сил, со-

проводится возбуждением, предполагая и ожидание, и возможные также разочарования.

Праздник, иными словами, значим как время и состояние усиленное, динамизирующее(ся) (либо раздинамизирующее – расслабляющее, предоставляющее возможность и отключиться, и переключиться, и остановиться, и дальше пойти). Праздник связан с идеей развития, и категориально, в значениях сенситивного типа ответа, он – динамизатор.

В значениях *открывания двери*, в плоскости растворения-вкладывания, праздник связывается с идеей нарушенных-устанавливаемых протяженностей, очереди – прерываемой очереди (будней) и своей, устанавливаемой, очереди (праздников) и затем восстанавливаемой вновь очереди (новых, устроенных, обновленных с праздником будней).

Изучаемый механизм описания сенситивного смысла вращается, таким образом, вокруг идеи триады. Три основания – три первого уровня и три от каждого и три возможных уровня. К двум первым, следовательно, и уже рассмотренным – *открывание двери* и *ответ на вопрос* – должно быть третье. Этим упомянутым уже в связи с *гостем* третьим видится

Объяснение неизвестного

Это плоскость информативного наложения, аппликации внешнего, плоскость внесения в «эго» извне. Плоскость, предполагающая, также как и *ответ на вопрос* и в отличие от *открывания двери*, заряженность, но заряженность внешнего, со стороны внешнего на субъект.

Объяснение неизвестного представляет собой, с

точки зрения воспринимающего, видящего субъекта, раскрытие скрытого для него, того, о чем он часто не подозревает, что не имеет в виду и что для себя не учитывает.

Внесение этого информативного нового в сферу субъекта, предполагается, должно создавать для него необходимость настройки и адаптации, когнитивную и перцептивную базу для ожидания.

Объяснение неизвестного – это знаки предупреждения о том, что готовится, что ожидается и (или) произойдет, что может случиться, чем заряжено окружение и среда, что уже, может быть, происходит, но невидимо, неосязаемо для сновидящего субъекта.

Субъект, его перцептивное «эго», находится в состоянии считывания. Витавшее, медитативное состояние сна позволяет увидеть и воспринять информацию за рамками непосредственно данного в ощущениях. Сон выводит субъекта в пределы не наблюдаемого, снимая барьеры, ограничения и пороги телесного, помехи и шумы повседневности и обращая его в экран, способный улавливать, видеть и чувствовать внутренним зрением то, что не только здесь и сейчас для него, что возможно есть, но не есть как данное для него.

Это не сон-откровение, не сон-предвидение, приоткрывание будущего и предсказание, это скорее приподнимание, снятие завесы лежащего вне, но уже направленного и заряженного, актуализированного в отношении «эго».

Наложение может быть двуместным и одноместным. Двуместное предполагает соотношение агентивной и поведенческой сферы субъекта, предполагаемой для него проекции в скором, ближайшем будущем, со следствием для него. Что-то произойдет, как-то всё отразится и повлияет, если субъект будет следовать некоей линии поведения, если будет действовать так же, как перед

этим, или если он изберет для себя из того, что имеется в распоряжении на сегодняшний день, то-то и то-то.

Одноместное – проецирует вероятность, необходимость уже имеющегося, назревшую потенциальность событий внешнего, без каких-либо предполагаемых действий и проявлений со стороны субъекта.

Объяснение неизвестного по смыслу заложенного в нем механизма напоминает качели-весы, одну часть, рычаг, которых составляет субъектное, то, что исходит от «эго» и(ли) то, что заложено в нем, а другую – внешнее, то, что исходит извне, от среды.

При наложении двуместном обе части, взаимодействуя, уравниваясь и соотносясь, присутствуют явно и выражено, предполагают проекцию и развитие: субъект должен как-то себя проявлять, как-то вести себя, какой-то линии своего поведения следовать, что-то делать либо не делать, чтобы заряженное вовне могло получить развитие, оказать какое-то свое воздействие и влияние на него в указанном отношении.

При наложении одноместном субъектная часть имеет невыраженно-подразумеваемый и скрытый в субъекте характер: нечто произойдет, нечто должно воздействовать помимо желаний, воли и поведения субъекта, как следствие уже сложившихся и имеющихся на сегодняшний день отношений, как результат и итог предыдущего. Рычаг, часть субъектного скрыта и не проявлена. Субъект может как-то в дальнейшем себя повести, но уже ожидая, зная, предполагая, учитывая объявляемую внешнюю часть, с тем чтобы ее избежать, смягчить или, напротив, ее проявлению и достижению, реализации, поспособствовать. Но все это – за пределами определяемого в сновидении.

Объяснение неизвестного, также как *открывание* и *ответ*, имеет три разновидности. Это значимости, возмещения и причинения.

Невидимый внутренний, по отношению к (о)сознанию вешний, знающий разум предупреждает и говорит – *знай, что ждет тебя на пути; знай, что будет то-то и то-то*. В одном случае нечто окажется важным и значимым и повлияет на весь твой дальнейший ход – это *значимости*. В другом случае ты что-то получишь или напротив, приобретешь (потеряешь) за свое, тебе за твое воздастся, – *возмещения*. В третьем – тебя уже что-то ждет на пути, тебе приготовлено нечто, кто-то (что-то) воздействует и подействует на тебя либо ты сам воздействуешь (вольно, невольно), – *причинения*.

Продолжая фольклорную аналогию, *объяснение (неизвестного)* как сенситивный тип можно увидеть в мотиве небесного знака: зацветающий посох, ожившее мертвое и засохшее дерево, свидетельствующие о чем-либо долгожданном; кровь на ноже, воткнутом в дерево, как свидетельство смерти брата; какой-нибудь вышедший на дорогу предупреждающий (маленький) старичок, старичок-моховичок (старушка с клюкой, с длинным носом).

Солнечное затмение, крик ворон, треск сороки на крыше, залетевшая птица в приметах – всё это формы и виды того же, рассматриваемого объяснения неизвестного как сенситивного типа.

Модель объяснения можно наглядно представить в поведении Валаамовой ослицы: отказ идти, нежелание слушать хозяина, подчиняться ему, до трех раз, вплоть до того, что ложась на дорогу, и, наконец, говорение – слова, обращаемые ей к Валааму. Не типичное, не привычное, не обычное – как нарушение будничного, повседневного, установленного и объяснимого сенситивного опыта в знак другого, не видимого, но уже существующего и стоящего, предупреждающего и грозящего на пути (Ангел Господень с мечом), – узнавание скрытого.

Объяснение, третий тип, связано с категорией

знания и меры. Если первое, открывание (двери), связано с переходом и изменением состояния (местоположения, среды обитания, пространства и места) и космогонично, второе, ответ, – с деянием (оперативом) и социализированно, то это третье – собственно с узнаванием, с приоткрыванием мира следствий, мира причин, каузальным миром, и потому отчасти сакрализованно. Источник, причина событий, однако, не раскрывается, это скрыто, приоткрывается только следствие, только некоторый отражаемый результат.

Объяснение по характеру действующих в нем величин градационно и векторно. *Кто мы такие и куда мы идем* (открывания), *за чем идем* (ответа), *обращаясь в – что мы, идя, дадим / получим* (для объяснения), – предполагает возможность приобретения либо утраты, большего либо меньшего, чем имеется (градацию, возрастание, убывание) и направленность – на себя либо от себя (векторность): кто-то и что-то готовит, уже приготовил(о) для «эго» или кто-то и что-то изменится, уже изменилось, уже испытало, воздействие, под воздействием «эго».

Приобщенность сакральному знанию через этот третий сенситивный тип связывается с категориями *приобретения / утраты, увеличения / уменьшения*. В одном случае это будет акцентатив (для значимостей); в другом – это компенсатив (для возмещений); в третьем – собственно каузатив воздействия-получения.

Рассмотренный ранее и, как заряженный внешним, гость в категориальной троичной системе объяснения неизвестного, сам находящийся в сфере действия данного сенситивного типа, тяготеющий к нему и себя внутри него предципирующий, будет проектором разновидности причинения (каузатива), поскольку воздействует на субъекта прежде всего в отношении ожидания: чем он грозит, что ждать от него, что последует из его посе-

щения, прихода, визита (ср.: *Незванный гость хуже татарина; дорогой гость, долгожданный гость, неприятный гость* и т.п.).

Праздник – содержит идею компенсаторную, воплощая собой возмещение, получение в результате, в награду, в ответ за труды: *ждать как праздника; это был праздник; устроить праздник (кому); идти как на праздник*, – т.е. приподнято, радостно, с чувством заслуженного, возмещенного, вознагражденного долга.

Компания, соответственно, проецирует значимость, действительную или же мнимую, со знаком плюс или минус, насыщенную, отмеченную или пустую, – важно то, что она дает возможность проекции «эго» как себя самого, служит средством внутренней самооценки, проверки и самоверификации. Это критерий, мера, шкала своей значимости – для себя и внутри себя, для других и через них, других, для себя; в ней, внутри, либо вне ее; по отношению к ней, к компании, либо за ее пределами, но всегда в общем-то, так или иначе, в ее связи.

Типы и их разновидности

Слова, будучи знаками, метами состояний отвлеченного сенситивного релятива (субъект, а тем более в сновидении, всё окружающее и видимое склонен, воспринимая, интерпретировать прежде всего в отношении для себя, чем и что оно есть для него), попадая в парадигматику соответствующих категорий, категорий сенситивного релятива, о которых собственно речь, – оказываются сенситивно заряженными и, заряжаясь, распределяются, начинают валентностно соотноситься, по категориальным значениям взаимодействовать между собой, становясь в отношения сенситивного релятива.

Каждое слово интерпретации образа сновидения, семантически значимое и ключевое, может быть парадигматически соотнесено с другим и другими такими словами, поскольку общая сетка взаимных валентностных соотношений не оставляет их безразлично нейтральными друг для друга, не дает им ни места, ни выбора быть только собой.

В этом можно усматривать действие изоморфизма – одно через другое, одно в другом. Так, как действует вся система входящих в систему категориальных значений и смыслов, отраженных и запечатленных в словах, так же действуют и той же системе, тому же действию, подвергаются и слова – как знаки и меты наборов и квантов смысла.

Определение, чем категориально является и чем сенситивно способно быть (затем, как следствие, также аксионально и ценностно) для сознания и в ментальной традиции то, что привычно обозначается, называется словом и через слово, возможно лишь в соотношении, в представлении с смежным и сходственным и рядом лежащим, т.е. через валентностно-парадигматическую систему.

Просто взять слова, пусть даже близко лежащие, списком и посмотреть на них изнутри и так, чтоб одно в другом и одно было через другое, еще того не дает. Необходим объясняющий и вне слов полагающийся парадигматический механизм. Такой механизм в своей основе обычно оппозитивен, но это оппозитивность трансфера, переходящая, динамизирующаяся, развивающаяся в три, затем пять и девять и далее (со всеми возможными промежутками на пути – четыре, семь; шесть и восемь и пр.). Проекция комбинаций числа зависит от плоскости – вертикальной / горизонтальной – и степени погружения, т.е. развития движимой точки.

Для данного описания мы ограничились представ-

лением трех полагаемых исходных и их ближайшего (в трех) продолжения – девять, с оппозицией двух в два (дважды два) в основе. Оппозицию составляли значения – заряженности / незаряженности и внешнего / внутреннего.

(1.) Незаряженность составила чувствительный тип *открывание* (двери).

(2.) Заряженность внутренним – тип *ответ* (на вопрос).

(3.) Заряженность внешним – тип *объяснение* (неизвестного).

Каждый с тремя разновидностями, внутри которых действуют собственные, внутренние оппозитивности, смысл которых обобщенно, без уточнения в типах и их категориях, можно представить как противоположение зависимого (обусловленного) / независимому (необусловленному) присутствию / взаимодействию (участию) эго внутри среды.

(1.1.) Независимое присутствие (незаряженного "я" в незаряженном) создает разновидность *попадания* в первом типе (открывание двери).

(1.2.) Независимое взаимодействие (незаряженного "я" в незаряженном) – разновидность *протяженности* в открывании.

(1.3.) Зависимое взаимодействие (незаряженного "я" в незаряженном) – разновидность *сцепления* в том же первом типе.

(2.1.) Независимое присутствие, необходимость его как реализуемое требование, заряженного "я" в незаряженном окружении, – разновидность *снятия* в типе ответ.

(2.2.) Независимое взаимодействие (участие), заряженного "я" в незаряженном окружении, – разновидность *рефлексии* (обращенности) того же второго типа.

(2.3.) Зависимое взаимодействие (участие), заря-

женного "я" в незаряженном окружении, – разновидность *развитие* (динамизация) в типе ответ.

(3.1.) Независимое присутствие (незаряженного "я" в заряженном окружении) порождает первую разновидность третьего типа (объяснение неизвестного) – *значимости*.

(3.2.) Независимое взаимодействие (незаряженного "я" в заряженном окружении) – вторую его разновидность – *возмещения*.

(3.3.) Зависимое взаимодействие (незаряженного "я" в заряженном окружении) – третью третьего чувствительного типа, объяснение, – *причинения* (каузации).

(1.) <i>открывание (двери)</i>	(1.1.) попадания
	(1.2.) протяженности
	(1.3.) сцепления
(2.) <i>ответ (на вопрос)</i>	(2.1.) снятие
	(2.2.) обращенность
(рефлексия)
	(2.3.) развитие
(3.) <i>объяснение
(неизвестного)</i>	(3.1.) значимости
	(3.2.) возмещения
	(3.3.) причинения
(каузации)

Проиллюстрируем на примерах (интерпретации образов сновидения [3]) возможности соотношения в ти-

пах и их разновидностях:

(1.1.) Открывание двери, попадания:

- неожиданно оказаться в веселой компании, где вас будут усердно угощать, неумеренно восхвалять, но где, возможно, вас будет подстерегать скрытая опасность;

- неожиданная вечеринка;
- вечер, проведенный в гостях;
- какое-то празднество;
- шумное празднество.

(1.2.) Открывание двери, протяженности:

- неприятные дни, в течение которых вам предстоит столкнуться с людской подлостью, коварством, злобой;

- обед или ужин в небольшой компании, который окажет большое влияние на последующие события.

(1.3.) Открывание двери, сцепления:

- неожиданный странный поступок кого-либо из вашего окружения;

- иметь дело с бестолковым, глупым человеком;
- мерзкий поступок, который абсолютно неожиданно совершит один из ваших знакомых;
- оказаться втянутым в неприятную историю;
- может произойти неприятная история в ресторане, кафе или даже столовой;
- скорая размолвка с близким человеком;
- разочарование в друге или любимом человеке;
- размолвка с близким человеком;
- измена друга, мужа, жены
- грубое, бестактное поведение близкого человека.

(2.1.) Ответ на вопрос, снятие:

- неприятных последствий случившейся размолвки с близким человеком, в которой, по-видимому, виноваты вы, не будет;

- взаимоотношения в вашей семье или коллективе, испортившиеся в последнее время, вновь укрепятся;
- чистота помыслов человека, в котором сомневаетесь.

(2.2.) Ответ на вопрос, обращенность (рефлексия):

- вы совершили или собираетесь совершить поступок, который в глубине души осуждаете;
- необходимость длительных переговоров, поиска компромиссов в делах или личной жизни.

(2.3.) Ответ на вопрос, развитие:

- удастся исправить допущенные ошибки, и вы укрепите свой авторитет в глазах окружающих;
- ваши действия или стремления представляют собой угрозу для кого-либо.

(3.1.) Объяснение неизвестного, значимости:

- компания, в которой вы собираетесь проводить свободное время, будет иметь большое значение для вашей личной жизни;
- уважение в обществе;
- человек, чье мнение для вас очень важно, откроет в вас новые достоинства.

(3.2.) Объяснение неизвестного, возмещения:

- ваша щедрость не будет вознаграждена адекватной благодарностью;
- признание ваших заслуг, почести, чествования;
- некоторые ваши друзья кажутся вам лучше, чем они есть на самом деле;
- некоторые из тех, кого вы считаете друзьями, на самом деле вас ненавидят;
- в ближайшем будущем обстоятельства будут вынуждать вас совершать поступок, который может вызвать обилие сплетен и пересудов.

(3.3.) Объяснение неизвестного, причинения (каузации):

- следует опасаться измены друга (подруги);
- обида, которую вы, сами того не желая, можете причинить близкому вам человеку;
- сильный удар от врага;
- некто, ненавидящий вас, пытается сделать вам зло;
- приобретение новых друзей;
- ваше появление дома или в месте, где любит бывать близкий вам человек, вызовет переполох или враждебную реакцию;
- незаслуженная обида;
- несправедливость по отношению к вам;
- стать жертвой обмана;
- обида;
- быть обманутым;
- можете стать жертвой обмана;
- ожидайте угроз и оскорблений;
- унижение, дискриминация, оскорбление.

Интерпретация единиц применительно к представленным типам и их разновидностям зависит от определения ключевого, вводящего или ядерного значения, того значения, которое может быть рассмотрено как ведущее. Полное определение, в случае семантической многосложности единицы, будет предполагать углубление по уровням: 1.1.1., 1.1.2., 1.1.3.; 1.2.1., 1.2.2., 1.2.3. и т.д. Если надо, то дальше - 1.1.1.1., 1.1.1.2... 1.1.1.1.1., 1.1.1.1.2...., т.е. на четвертом и пятом уровне, поскольку характеризуемая система предполагает известную глубину. Сочетанием, комбинацией, показателей уровней можно добиться достаточно полного и адекватного описания единиц.

Распределение единиц по типам и разновидностям (соответственно дальше) в количественном отношении далеко не равномерно, даже напротив. Одни – ре-

гулярны и многочисленны, другие – представлены малым числом. К числу наиболее продуктивных относятся разновидности 3.3. и 1.3., к числу средне представленных 1.1., 2.2., 2.1., 3.2., к числу относительно редких 2.3., 3.1., 1.2. Таким образом, возможна шкала, на одном полюсе которой будет наиболее регулярная, часто встречающаяся, а на другом – относительно редкая разновидность:

3.3. – 1.3. – 1.1. – 2.2. – 2.1. – 3.2. – 2.3. – 3.1. – 1.2.

(Полученный результат предварителен и может быть в ходе исследования уточнен.)

Строение интерпретатива

Единицы, интерпретирующие образы сновидения, имеют структуру. Слова, в них входящие и их образующие, подчиняются некоторой последовательности, имеющей парадигматико-синтагматический смысл.

Возможно выделение пяти оснований, определяющих внутренний смысл структуры, между которыми распределяются вербальные компоненты интерпретатива.

Смысл этих внутренне предизирующих и заряжающих компоненты состава пяти оснований можно определять различно, в зависимости от избираемого критерия или аспекта, в тех категориях, которые будут существенны для него. Ими будут:

- 1) те компоненты, которые составляют вход, или модус, модальность, субъектный план в его протяженностях, длительностях, ожидаемости / неожиданности, – формы и фон(ы) вхождения, проявления и(ли) участия;

- 2) компоненты *события* погружения, событийный план, – события в его совершении, протекании и заряженности, взаимодействие и(ли) участие в котором может и будет иметь последствия; это места, локации – поглотители и пространствователи, пространственно-временные статальности и протянутости, вбирающие, включающие, поглощающие в себя, в себя затягивающие;
- 3) компоненты *влияния и участия*, плана других участников, воздействователи, рефлексивы, распространители-расширители, – те и то, что с вами, над вами делают, делают в отношении и(ли) по поводу вас;
- 4) компоненты *следствия-отражения*, план результатов и получения;
- 5) и наконец, компоненты *плоскости-перспективы* в отношении и в проекции к «эго», плана последующего и дальнейшего для него.

Получаемая структура реализуется для субъекта в том, каким образом, как (1), где, в чем, с кем (2), что именно там происходит, что с вами делают (3), чем это грозит, что из этого следует, что ведет (4) и в каком для вас отношении – плоскость проекции «эго» (5).

Возьмем для анализа наиболее полную единицу – "неожиданно оказаться в веселой компании, где вас будут усердно угощать, неумеренно восхвалять, но где, возможно, вас будет подстерегать скрытая опасность", дополним ее с точки зрения того, в отношении чего "будет подстерегать" эта опасность, скажем, в отношении "видов на будущее", – тогда получим такую структуру:

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
неожиданно оказаться	веселая компания	усердно угощать, неумерен-	подстерегает скрытая опас-	(виды на будущее)

Возьмем теперь некоторые единицы и распределим их структурные компоненты в ячейках пяти оснований:

- неожиданная вечеринка;
- вечер, проведенный в гостях;
- какое-то празднество;
- шумное празднество;
- компания, в которой вы собираетесь проводить свободное время, будет иметь большое значение для вашей личной жизни;
- обед или ужин в небольшой компании, который окажет большое влияние на последующие события;
- неожиданный странный поступок кого-либо из вашего окружения;
- иметь дело с бестолковым, глупым человеком;
- мерзкий поступок, который абсолютно неожиданно совершит один из ваших знакомых;
- из ряда вон выходящее сообщение или поступок;
- неприятные дни, в течение которых вам предстоит столкнуться с людской подлостью, коварством, злобой;
- оказаться втянутым в неприятную историю;
- может произойти неприятная история в ресторане, кафе или даже столовой;
- ваша щедрость не будет вознаграждена адекватной благодарностью;
- скорая размолвка с близким человеком;
- разочарование в друге или любимом человеке;
- размолвка с близким человеком;
- измена друга, мужа, жены;

- грубое, бестактное поведение близкого человека;
- отчуждение между вами и одним из близких вам людей;
- вскоре появятся основания для сомнения в верности любимого человека;
- следует опасаться измены друга (подруги);
- скорая продолжительная разлука с кем-либо из близких;
- неприятных последствий случившейся размолвки с близким человеком, в которой, по-видимому, виноваты вы, не будет;
- обида, которую вы, сами того не желая, можете причинить близкому вам человеку;
- взаимоотношения в вашей семье или коллективе, испортившиеся в последнее время, вновь укрепятся;
- ваше появление дома или в месте, где любит бывать близкий вам человек, вызовет переполох или враждебную реакцию;
- столкновение, конфликт с группой враждебно настроенных к вам людей;
- сильный удар от врага;
- берегитесь! Судьба скоро столкнет вас с сильным противником;
- некто, ненавидящий вас, пытается сделать вам зло.

неожиданная

вечеринка

вечер в гостях

празднество

	шумное празднество		
собираться провести свободное время	компания	большое значение	личная жизнь
	обед или ужин в компании	большое влияние	последую- щие со- бытия
неожидан- ный	странный по- ступок кого- либо из ва- шего окру- жения		
иметь дело	бестолковый, глупый че- ловек		
абсолютно неожидан- ный	мерзкий по- ступок одно- го из знако- мых, кото- рый он со- вершит		
из ряда вон выходя- щее	сообщение или посту- пок		
предстоит столкнуть- ся	неприятные дни, отме- ченные людской подлостью, коварством, злостью		
оказаться	неприятная		

втянутым	история		
может произойти	неприятная история в ресторане, кафе или даже столо- вой		
		ваша щед- рость не бу- дет возна- граждена адекватной благодарно- стью	
скорая	размолвка с близким че- ловеком		
		разочаро- вание	друг, люби- мый чело- век
	размолвка с близким че- ловеком		
	измена друга, мужа, жены		
	грубое, бес- тактное по- ведение близкого че- ловека		
		отчуждение	один из близких
вскоре по-		сомнение в	любимый

явятся основания		верности	человек
следует опасаться	измена друга (подруги)		
скорая	продолжит. разлука с кем-либо из близких		
	случившаяся размолвка с близким че- ловеком, в которой, по- видимому, виноваты вы	неприятных послед- ствий не будет	
	обида, кото- рую вы, сами того не желая, можете при- чинить близкому вам челове- ку		
	взаимоотн. в вашей се- мье или коллективе, испортив- шиеся в по- следнее время	вновь укре- пятся	
	ваше появле- ние дома или в месте,	вызовет пере- полох или враждебную	

	где любит бывать близкий вам человек	реакцию
	столкнове- ние, кон- фликт с группой враждебно настроен- ных к вам людей	
	сильный удар от врага	
берегитесь! Судьба скоро столкнет	сильный про- тивник	
	некто, нена- видящий вас, пытает- ся сделать вам зло	

Как следует из таблицы, компоненты второго, событийного плана наиболее регулярны и характерны в структуре рассматриваемой единицы, почти обязательны для нее. Все прочие – факультативны, и вероятность их появления будет зависеть от внутренних, типологических характеристик интерпретатива.

"Рассыпанный" номинативный набор компонентов структуры дает возможность увидеть неочевидные сразу, скрытые парадигматические и объясняющие способности данной системы. При повторяемости компонентов, при видимой и возможной их формализации, реально со-

здание "просматриваемой" и исчислимой комбинаторной системы интерпретирующих единиц.

Возможными, вероятными, регулярными комбинациями таких формализованных компонентов можно описывать знаки, значения образов сновидения в избираемой области – скажем, сферы контактов, сферы профессиональной деятельности, имущественные отношения, здоровье (физические состояния), душевные состояния и пр.

Слова как сенситивные смыслы

Объект исследования – интерпретирующие единицы образов сновидения – можно представить как репрезентивные ценностные образования имплицитной, неявной природы. Их имплицитность, неявность определяется фоновым подсознательным ощущением социальной значимости. Носитель ментальной традиции (когнитивной этнокультуры) обитает в среде, проникаясь, напитываясь идеологемами, для нее характерными и типичными, не всегда рефлексирова и осознавая их смысл. Они составляют запас, набор, своего рода «словарь» и «грамматику», социально-психологических ценностных ориентиров, как правило вне ощущения необходимости определения и выявления их самих.

Так же как языком для обыденной речи, в обычном, привычном и постоянном общении, говорящий пользуется автоматически, далеко не всегда и как правило не задумываясь над словарем и грамматикой этого своего языка, нередко даже толком не зная того и другого (собственно пользование вовсе и не предполагает знания: можно быть совершенно неграмотным и прекрасно владеть языком), стихийное обращение субъекта в процес-

сах взаимодействия к *словарю* и *грамматике* ментального, фактически сенситивно-ментального, опыта своей когнитивно-культурной среды вовсе не предполагает, можно сказать, что совсем даже не предполагает, знания, понимания и рефлексии правил его, механизмов и единиц.

Одетые в слова, доступные восприятию через слова, единицы эти словами никак не являются. Вопрос, очевидно, в том, что они, собственно, есть, чем оказываются для пользующегося ими сознания.

Всё видимое во сне, как известно, не собственно. Возникающий образ, являясь наглядной формой психического, обозначая это психическое, можно рассматривать как сенсорную, сенситивную, доступную наблюдению форму чего-то другого, подобной формы лишённого. Слово же (знак и *verbum*, вербально наглядная, вербально переданная и выраженная форма увиденного) – знак и форма той виденной и ощущавшейся в сновидении, переживавшейся сенситивной формы.

Природа передаваемого этим знаком и этими знаками (словом и образом) самого психического – предмет и камень серьезного преткновения многих наук и исследовательских, аналитических, синтетических, терапевтических, теоретических, экспериментальных, подходов, от Зигмунда Фрейда и Карла-Густава Юнга до наших дней. Не это, однако, предмет предлагаемого рассмотрения, не природа того психического, которое обозначается и называется словом, а существует в форме ментального сенситивного образа.

Предмет другое, – возможный аксионально (социально-ценностно) заряженный механизм социального сенситива; актуализированный в слове-образе для сознания носителя культурно-ментальной традиции фрагмент сенситивной реальности, ориентированной для воспринимающего, *сновидящего*, субъекта к самореализа-

ции, к эго-проекции во вне себя, в своем окружении и среде, к переживаемой им и им проживаемой в своей экзистенции социальной и *не эго* психодраме, в которой он чувствует, ощущает обязываемым как-то себя проявлять.

Толкование знака-образа сновидения само есть образ и знак. Для нас оно будет знаком и образом ценностно ориентируемого сенситива.

Рассмотрим подобную знаковость толкования. Возьмем уже взятый, поскольку более или менее полный, пример:

"Абордаж: сон, навеянный приключенческой литературой или кино, когда два корабля сцеплены, а их экипажи схватились врукопашную, – вам предстоит неожиданно оказаться в веселой компании, где вас будут усердно угощать, неумеренно восхвалять, но, где, возможно, вас будет подстерегать скрытая опасность." [3, с. 7]

Два плана – видимое (картина, сцена взаимодействия, столкновения двух кораблей) и означаемое (веселая компания с двойным дном), – результируются, собираются в третий: что оно есть для проекции в ценностном самоощущении «эго», для социализируемого его сенситива, – эта *веселая компания с усердным угощением и восхвалением, таящим опасность*.

Поверхностный, первый приходящий в голову и не лишенный известного смысла ответ, – скажем, "ну чем-чем, известно чем: видимое, кажущееся эмоционально заряженное и отмеченное чувством социального растворения-расширения взаимодействие с равными и приятными, удовлетворяющими к тому же запросам самореализации «эго» и эго-значимости, амбивалентно и часто бывает обманчиво", – такой ответ, при всей его реле-

вантности и по элементам наглядной и адекватной последовательности, всё же, как кажется, не до конца разрешает проблему.

Не удовлетворяет отсутствие парадигмы. Нет основания для подобного утверждения. Интерпретировать можно, по-видимому, как-то еще и иначе. И хотя основание есть, но оно не наглядно, не очевидно, ни с чем подобным и смежным не соотносимо.

Механизм сенситивного определения интерпретирующих знаков-образов знаков-образов сновидения (т.е. *знаков* знаков) выработать еще предстоит. Тогда только можно будет увидеть, чем собственно они являются по отношению к не рефлексирующему их сознанию сновидящего субъекта.

Составление такой парадигмы, в своей опоре на видимые знаки-слова как формы парадигмальных значений-смыслов, самими словами в общем-то пренебрегает. Слова отражают и воплощают смыслы, которые, собственно, далеко не всегда и не прямо от них зависимы, которые, в парадигме, по отношению к слову, отдельно-внешни и могут выйти, увидеться для сознания также в чем-то еще другом, не обязательно в данном слове. Прямой, обусловленной связи здесь нет. Во всяком случае она, эта связь, еще более чем в языке, далеко не только парадигматична.

При выведении парадигмы смыслов необходимо выявить три критерия, установив отношение одного к другому:

- 1) между тем, что видится, что есть как образ;
- 2) между тем, что составляет его сенситивный смысл и
- 3) в отношении, между собой, по группам, в группах и между ними.

Рассмотрение имеет смысл начинать, исходя из

троичной модели представленного сенситива, внутри разновидностей типов. Возьмем для примера одну разновидность с ее единицами, с тем чтобы показать возможности описания:

(1.3.) открывание двери, сцепления:

- неожиданный странный поступок кого-либо из вашего окружения;
- иметь дело с бестолковым, глупым человеком;
- мерзкий поступок, который абсолютно неожиданно совершит один из ваших знакомых;
- оказаться втянутым в неприятную историю;
- может произойти неприятная история в ресторане, кафе или даже столовой;
- скорая размолвка с близким человеком;
- разочарование в друге или любимом человеке;
- размолвка с близким человеком;
- измена друга, мужа, жены
- грубое, бестактное поведение близкого человека.

Видимое интерпретируется в пяти своих положениях, определяясь по отношению – то, что вижу:

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
неожиданный	поступок	кто-либо	ресторан	размолвка
странный	дело	из окружения	кафе	разочарование
скорый	(иметь) мерзкий	человек	столовая	измена
	поступок	бестолковый и		грубое бестактное поведение (по отношению к вам)
	неприятная история	глупый		
		один из (ваших) знакомых		
		близкий человек		
		друг		

любимый
 человек
 муж
 жена

Видеть можно в открытую дверь сцепления то, что сбегается к центру вихря (3), с которым и происходит собственно взаимодействие (видящего) при сцеплении – в событии, событийности (2), в его напрягающих, энергетизаторах (1), – слева – к локусу, локализации, проекции, плоскости вихря (4) и к отношению – срыву-разрыву, контакту в сцеплении (5), – справа.

В другой парадигме, другой разновидности, значения сопологаемых (пяти?) компонентов могут выглядеть по-другому.

Сенситивное представляет проекцию к трем основаниям, внутри которых каждая допустимая единица-смысл будет иметь отношение к собственному парадигматическому значению:

(1)	(2)	(3)
	<i>неожиданность-странность поступка</i>	кого-либо из вашего окружения
предстоит иметь дело с	<i>бестолковость-глупость</i>	(некоего) человека
абсолютная неожиданность	<i>"мерзкость" поступка (который совершен, совершенно)</i>	одного из (ваших) знакомых
предстоит оказаться втянутым в	<i>неприятность (некой) истории</i>	
возможность случиться, произойти	<i>неприятность (некой) истории</i>	(со стороны тех, кто) в ресторане, кафе, сто-

		ловой
("скорость")	<i>диссоциация, дез-адаптивность (размолвки)</i>	(в связи и со стороны) близкого человека
	<i>измененность исходного (состояния, положения, отношения) в разочаровании</i>	(в связи и по поводу) друга, любимого человека
	<i>измененность исходного (в состоянии) измены</i>	(со стороны) друга, мужа, жена
	<i>грубость-бестактность поведения</i>	близкого человека

При рассмотрении *сенситивного*, при определении входящих в него значений необходимо установить характер проекции соответствующего элемента на сферу субъектного: чем является *"неожиданность-странность* поступка", *"измененность исходного* (в состоянии) измены", "абсолютная неожиданность" или "кто-либо из окружения", "некий человек", "друг", "супруг", "сидящие в ресторане" и пр. – в отношении *субъектного* ощущения, в отношении к восприятию ими «эго» для себя самого, в отношении его *сенситивно-ценностной*, психологической / ориентационной сферы.

Центром, ядром *сенситивной* троичной структуры (2) будет *переживаемость*, справа (3) – *источник переживаемости*, слева (1) – *характер ее заряженности*.

Отношения-смыслы, соединяющиеся в значения элементов в (2), (3), (1) будут вращаться вокруг категорий – расхождения / сталкиваемости, приемлемости / неприемлемости, трансформативности / неизменности,

резкости / мягкости (2); близкого / дальнего, непосредственного / опосредованного, значимого / незначимого, актуального / неактуального, внешнего / внутреннего, чужого / своего (3), вхождения, вероятности, интенсивности, меры-степени, совершения, ожидаемости (1), – значения и характер которых должны быть, при соотносении, уточнены.

И, наконец, последнее, третий критерий, участвующий в определении искомого смысла образов-знаков интерпретирующей единицы, получаемый через установление отношений между собой, – по отношению друг к другу, по группам и между группами, – позволит вывести внеконтекстный и общий, возможный, подвижный, смысл сенситива для слова. Подвижный, поскольку парадигматически не закрепленный и относительный, соотносимый, валентностно обусловленный.

Веселая компания, вечеринка, вечер в гостях, празднество, шумное празднество, компания как место времяпрепровождения, *небольшая компания*, – могут составить общую группу, внутри которой взаимные соотношения, предполагающие выделение категориальных повторяющихся и совмещаемых для каждого элемента признаков, позволят увидеть и вывести парадигматику и описать затем на ее основе каждый такой элемент.

Другую группу могут составить слова *размолвка, разочарование, измена, грубое бестактное поведение (по отношению к вам), разлука, обида близкому человеку (ваша), испортившиеся взаимоотношения (ваши с кем)*.

Третью группу – *кто-либо из окружения, бестолковый и глупый человек, один из (ваших) знакомых, друг, любимый человек, муж, жена, один из близких вам людей, подруга, кто-то из близких, семья, коллектив, компания как круг знакомых и близких людей (или напротив, не близких и мало, плохо знакомых, совсем не*

знакомых).

Подобных групп также возможно несколько. Возможно различное их разбиение, по используемым, актуальным и релевантным, значениям оснований. Само выведение групп должно быть парадигматично и семантикой изучаемой области обусловлено. Рассматриваемые и описываемые слова при этом следует воспринимать как проекции внутренних отношений общего – парадигматики сенситива, смысл, значение, уточнение которого происходит в соединении, сочетании трех аспектов-сторон – как некоей формы, как видимого (1), как имеющего значение для субъектной сферы перцепта (2) и в когнитивно-идеографическом, внутренней эго-картины мира, внутреннего эго-пейзажа, тематико-прагматическом развороте (3).

Аксиональное, ценностное и характеризующее определение интерпретитивов (с точки зрения, скажем, заложенной в них аксиональной концепции «эго», с точки зрения ментального психотипа и пр.) может осуществляться и объективно происходить, по-видимому, после и на основе сложившейся, очевидной и явной системы – парадигматики затронутого здесь сенситива.

Примечания:

1. По замечанию Дж. Холла: "Феноменология сновидений включает события, не переживаемые в мире бодрствующем: внезапные сдвиги во времени и пространстве, изменения возраста, присутствие людей, о которых известно, что они умерли, или фантастические люди и животные, которые никогда не существовали. Возможно, наиболее радикальный сдвиг, переживаемый в сновидении, – смещение самой эго-идентичности от одного персонажа к другому или даже не к персонажу вообще, а к сновидческому эго, которое наблюдает за событиями как бы с позиции блуждающего всеведения." Это последнее, мною подчеркнутое, видимо, и составляет смысл сновидения как ментального сенситивного состояния. Цит.: Джеймс А. Холл: Юнгианское толкование сновидений. СПб, 1996, с. 27.

2. Основная прагматическая идея Тибетской книги мертвых – Бардо Тодол.

3. Источником материала были интерпретации образов сновидений по *Энциклопедии сновидений*, Тула, 1993.

Январь-февраль, 1999 г.

Ценностные модели успеха по материалам словаря сновидений²

Успех, по-видимому, отражает, по сущности своей и смыслу, некую идею возможной полноты реализации при условиях, предполагающих и допускающих такую возможность. При этом не всегда, и далеко, по-видимому, не всегда, учитывается мера допустимого и достижимого для стремящегося к успеху. Успех, иначе говоря, и, соответственно, неуспех воспринимаются не как совпадение либо несовпадение с условиями, а как своего рода внеобъективированная возможность становления и достижения того, что есть для всех (но не для каждого!) как общее – как некое внеобусловленное и отмеченное социальное пространство, попав в которое, достигший, как считается, реализовал свой максимум и оказался приобщенным к вершине.

В подобном понимании успеха, европеизированном и прагматичном, есть очевидное противоречие. Внеобусловленность успеха не должна по существу предполагать возможности и необходимости приложения усилий. Не должна, иначе говоря, предполагать реализации. Коль скоро есть *обреченные* на неуспех и наоборот (как стало, несколько бездумно, модно говорить, “обреченные” *другие* – те, что на успех), то не к чему и стремиться. Существующая вне личной сферы и возможного

² Творчество и коммуникативный процесс – Creativity & Communication Process - Т. 2, (1998)1. ([http:// www.nicomant.org](http://www.nicomant.org)).

участия субъекта предопределенность не должна бы этого допускать. Но допускает. И допускает, по-видимому, в силу ментально-императивного представления о свойствах. О свойствах реализующего себя в существовании и бытии субъекта. Свойства эти, для того чтобы быть соответствующими критериям такой реализации, зависящей и не зависящей одновременно, должны быть также, параллельно, зависящими и не зависящими. В нем, т.е. в субъекте, *что-то есть* и он, т.е. тот же субъект, это свое *что-то* использует либо не использует. Известное и нередко обыгрываемое в европейской парадигме, кто ты и какой ты. Кто – от тебя внешне, теперь и здесь, вроде не зависит. А вот какой – безусловно, да!

В парадигматических моделях успеха и достижения, представляемых описываемым образом, возможны, по-видимому, разные акценты, различная фокусировка, предпочтения, порядки, выборы и т.п. Не будет преувеличением сказать, что, при сходстве общего (скажем, европейской ментальной парадигмы), всё названное, т.е. акценты, фокусы и предпочтения, для данного (субъекта, коллектива) будет отражать некую принятую, адаптированную и ориентированную, систему ценностей для некой социальной общности. При этом возможны уровни – по степени объявленности / неопределенности, осознанности / неосознанности и т.п., опять же для того же данного (субъекта, коллектива).

Метафоры служат средством – манифестации и обнаружения – подобной акцентировки и направленности. Скажем, *со щитом или на щите*. То, что стоит за этим, выражает такую системоценностную ориентацию, которая предполагает для стремящегося в допустимом для него и социально одобряемом выборе возможность только *верха* – в стремлении к нему (*со щитом*, т.е. в состоянии готовности, решимости и боя, и в состоянии победы) либо в достижении (*на щите* – с почетом, с че-

стью сверху, уже *на верху*, в состоянии своеобразного триумфа смерти, возможного экзистенциального императивного максимума для себя). Или *почтить на лаврах* – обозначая состояние достижения, обретения, получения такого максимума, опять же выражает это пространственной проекцией все того же верха – *на лаврах*, т.е. сверху них, поверх них и надо всеми.

В связи с чем изучение парадигматических моделей через метафоры, в нашем случае успеха, может дать многое для понимания одобряемых системно-ценностных предпочтений и ориентаций, и, что существенно, не всегда и/или не в полной мере осознаваемых.

Но есть и другой, не менее ценный “парадигматический” материал, который может давать представление о не одобряемом. О том, что есть, поскольку существует в его, не будучи особенно маркировано в нем акцептацией. Есть в нем не в силу того, что существует не заряжено и не ориентировано – внеположено как бы, а в силу той же самой параметризации и наставлении акцентов, но на сей раз – как самовыражение, как своего рода обреченная и предопределенная обреченность в нем. То, что называется словами *никуда не деться, такой уж есть, такой уж (он) уродился, с молоком матери впитал(а) / всосал(а), яблочко от яблони, такое-то (поганое, к примеру) семя, зерно от колоса* и пр. – то, что не всегда и не обязательно сознательно присутствует, но без чего он не он, что есть его и для него единственное, что составляет его сущность ментально ориентированное существо, не переделываемое и не внушаемое. Это последнее очень важно, поскольку составляет смысл невозможности воздействия на данные, ментальные по своему смыслу, структуры. Возможно только парадигматическое отчуждение их, т.е. создание условий, в которых происходит внутренняя изоляция и самоотторжение,

своего рода убиение в кокон, капсулу.

Подобный “парадигматический” материал предоставляют сновидения. Причем не столько сами образы и сны-картины, сколько способ и характер их не ориентированной, внешне не обусловленной, интерпретации – объяснение, толкование их так, как есть, как представляется интерпретирующему сознанию более удачным, более типичным, объяснимым и для себя понятным. Способ объяснения и интерпретации, нередко нарушающий универсальную систему архетипических и традиционных представлений, утверждающий *ad hoc* относительность когнитивной и сущностной природы человеческого, ее социально-темпоральную подверженность, и подменяющий, тем самым, неизбежно общее собой, представляющий себя и его как основу парадигматического построения, а не производное ее значений. Подобный интерпретирующий способ характерен, в частности, для книги “Энциклопедия сновидений” [Тула, 1993], послужившей материалом для предлагаемого исследования и потому выбранной не случайно.

Представленный в данной книге материал дает возможность выявить, среди другого, специфический способ видения и объяснения окружающего (и отражаемого) мира как знаков для себя, как семиогенную систему парадигматических ценностных ориентаций “на основе опыта исследований сновидений людей нашей географической полосы и нашего исторического отрезка времени” (с. 6), – при котором сновидения и знаки сна оказываются аксиологическими параметризаторами социально-темпоральной, обусловленной парадигматической системы, а не семантическими формами психического состояния. В связи с этим, на данной основе, можно бы попытаться поставить, точнее затронуть, проблему успеха в его специфическом, этнокультурном и, скажем так, *этноидеологическом*, с учетом вклада и достижений XX

века, восприятию, – успеха как формы, модели интерпретатива. Отсюда первым таким подходом будет стремление определить успех в его отношении к языковому сознанию и подсознанию.

Успех в представлениях русской ментальности³

Успех на поверхностном уровне обыденного сознания ассоциируется, по-видимому, с представлениями о почестях, славе, почете, величии, внешнем блеске, материальном изобилии, роскоши, удовольствии, радости, счастье. Это прежде всего признание чьих-либо достижений, заслуг, связанное с идеей оценки достигнутых результатов. Статья “Успех” в “Русском ассоциативном словаре” (М., 1994) в качестве наиболее частотных реакций дает слова *большой, огромный, удача, радость, обеспечен, дела, победа, пришел, полный, неудача, цветы, счастье, в делах, в деле, иметь, слава, в работе, колоссальный, поражение, блестящий, потрясающий, придет, бешеный, в обществе, грандиозный, ошеломляющий, у женщин, шумный, аплодисменты, в любви, громкий, дело, долгожданный, друга, закономерен, легкий, на сцене, первый, провал, случайный, театр, артиста, безусловный, в жизни, в игре, в учебе, великий, вскружил голову, выигрыш, гарантирован, головокружительный, громадный, деньги, достижение, заслуженный, крупный, любовь, начало, овации, овация, сопутствует, сцена, триумф, ура, чужой.*

³ Фрагмент этой части работы был опубликован в статье *Успех в представлениях русской ментальности (по материалам словаря синонимов)* // Mundo Eslavo. Revista de cultura y estudios eslavos. Num. 3. Universidad de Granada, 2004, p. 161-169.

Представленный список определяет основные параметры отношений, ассоциативно связанных и обусловливаемых данным понятием. Это количественность (количественность) – огромность, большие размеры, величина, идея значительности, превосходной степени, суперлатива. Идея фортуны, везения, благоприятной судьбы и удачи. Идея сверхположительных, обусловливаемых успехом переживаний, эмоций – захватывающих полностью и максимально. Это результативность в какой-либо сфере деятельности, наивысшая степень достигаемого результата. Это идея победы и одоления с идеей соревновательности и соперничества, оценки и самооценки того, кто достиг успеха, как лучшего, наиболее достойного и способного, с идеей оправдываемых надежд и возлагаемых на него ожиданий. Идея возможных и вероятных препятствий, с приложением необходимых усилий и деятельности к преодолению таковых. Идея публичности и общественной значимости достигающего успеха лица, с идеей почета и почестей, выражения знаков внимания и особой его отмеченности, исключительности. Идея времени с проекцией к ожидаемости и / или мгновенности. Идея значимой и отмеченной сферы – самореализации, проявления человека (в делах, в любви, в учебе, в работе, в жизни, в игре). Обобщенно, в представленной парадигме, успех можно интерпретировать как высшую степень получаемого удовлетворения от социального проявления себя, как положительный максимум, связанный с осознанием собственной значимости в глазах и на фоне других, как признание высокой экзистенциальной значительности для его.

Возможны другие интерпретации выбранного концепта. "Русский ассоциативный словарь" составлялся по результатам проводившегося на рубеже 80-90-х годов анкетирования среди студентов в возрасте 17-25 лет, и получаемые на его материале выводы отражают ориен-

тации и акценты, в определенной мере, молодежного контингента.

Словарное толкование лексемы на первое место выносит не количественность, идею везения и сверхположительность переживаемых эмоций, акцентируемых в ассоциациях, а положительность результата, удачность завершения либо благоприятность исхода. Одобрение и общественное признание достижений, достоинств становятся определителями второго значения лексемы.

Ассоциации и дефиниции, безусловно, далеко не одно и то же, и те и другие отнюдь не всегда могут отражать систему ценностных ориентаций, поэтому тем интереснее представляется возможность сопоставления их между собой и в связи с материалом, который, возможно, аксионально заряжен, может оказаться или, в своей вероятности, представляется таковым. Убедиться в этом или в обратном (обратный результат в данном случае тоже становится результатом, по принципу – чего нет в данной системе ценностей, чего она не отражает, не содержит в себе) позволит задуманный нами анализ.

Исходным материалом послужили так называемые правые части, т.е. собственно толкования сновидений, характер и формы (вербальные формы) их представления. Левые части, или знаки сна, традиционно представляемые в сонниках в виде лексем, специально не изучались, при анализе их характер и вид (в интересующем только, семантико-парадигматичном, аспекте) рассматривались факультативно и не системно.

Идея и смысл успеха по выбранному словарю сновидений вращаются вокруг соответствия внутреннего и внешнего, вокруг совпадения одного и другого (попадания первого на второе). Участвующие в формировании значений параметры представляют взаимодействие с внешним, проекцию себя вовне, но не как самореализацию с возможностью установления и признания своего

совершенства, а как участие в потустороннем и несвоем, обособленном и отчужденном: то, что вне меня, вне его, требует упорядочения и заполнения (исполнения, завершения) или должно быть достигнуто – настигнуто, с идеей стигания (стегания?) во времени, что предполагает работу и скорость, как производящее для нее.

Само слово *успех*, производимое от *услеть*, *успевание*, *спешка*, *спех* и *спеть*, *спелый*, по-видимому, внутренним скрытым смыслом своим, значением корня, актуализирует невольно в сознании и для него идею времени, движения во времени, развития и необходимости достижения – настигания чего-то, что движется вне участия / неучастия его и что безразлично, индифферентно и отстраненно по отношению к нему. Деятельность по успеху предоставляется воле субъекта, а движущееся само по себе, фортуной своей, *колесо*, составляющее объект достижения, вне субъектно и потусторонне.

Возникающая в сознании метафора *скачущей лошади*, перед которой стоит задача достичь (с идеей стигания / стегания, скачек), интерпретируется не в отношении наездник / лошадь, где лошадь – исходные свойства стигающего, его способности и затем проявление, работа и мера прилагаемых к достижению усилий, а наездник – сам достигающий в результате и оцениваемый в отношении максимума и превосходства, с лаврами и почетом в конце в случае выигрыша. Как можно бы было представить и как бы представилось, далось при желании, если поставить такую перед собой задачу. Продолжая метафору – ее не дается возможным интерпретировать и так, что лошадь – это сам достигающий (не достигающий) в конечном итоге субъект, бегущий к успеху. Она скорее, в интерпретации выбранных знаков сна, в данной гипносемантической парадигме, выглядит так, что лошадью представляется сам *успех*, ибо он наделяется признаками движения к результату и цели.

Подобное перемещение акцентов может предполагать, по крайней мере, два объяснения. Первое связывается с особенностями семантики сновидения, с особым характером взаимодействия, для сознания, со знаками сна. С операциональными для сознания свойствами этих знаков. Такое предположение правдоподобно, поскольку мир сновидений устроен и воспринимается человеком иначе, чем метафорика, скажем, вербально-языковая. Однако сама их инаковость не означает еще именно такого вида смещения и такой трансформации. Не углубляясь в теорию гипносмисла, для определения основ которого потребовался бы анализ обширного материала, можно бы было решить проблему (скорее поставить как допустимую), сопоставив характер интерпретаций успеха в исследуемом с данными по другим словарям. Наблюдения подобного рода, без претензии на их окончательность и обобщенность, имело бы смысл представлять.

Второе объяснение, с учетом выбранного аспекта и намерения автора, выглядит более привлекательно и перспективно. Однако его, как и первое, следует доказать и проверить либо, напротив, отвергнуть как мало правдоподобное. Характер перемещения в структуре смысла метафоры мог бы себя объяснить и в самом исходе – в парадигматическом своеобразии исследуемых аксиональных моделей. Если такое возможно, возможно и допустимо другое, большее: направленное семантическое исследование специфики насыщения и интерпретации смысла и образа с учетом различия типов ценностно-ориентированных концептологических парадигм.

Суть предлагаемых объяснений, как представляется, состоит не в том, что одно исключает другое, или что оба надуманны, а в том, чтобы найти, обозначить границы различных интерпретирующих гипносемантику

сфер – сферу видимого и видящего, интерпретируемого и интерпретирующего, разделение которых не столько условно и даже парадоксально для знаков сна, поскольку одно в другом, сколько как раз-таки и проводит границу меж сном и явью – тем, что относится к сфере сна и интерпретацией сновидческих знаков является, и тем, что, на деле, сном уже не является и к сфере его не относится, оказываясь чем-то другим, знаком интерпретирующей ценностной парадигмы сознания.

Изучаемые модели успеха по материалам заявленной “Энциклопедии сновидений” таковыми и представляются.

Попробуем, однако, представить парадигматику этих моделей. Их можно подразделить для начала на семь семантических групп: усилие, достижение, положение (дел), перспективы, везение, исполнение (желаний) и опасение, – в названиях своих приблизительных, но передающих смысл существующих соотношений. Каждая группа содержит в основном общий набор семантических признаков, по-разному актуализируя и комбинируя их.

Для первой группы это прежде всего значения времени, силы и результата. Для второй – результата и проявления. Для третьей – позиции, порядка и продвижения. Для четвертой – сферы и перехода (открывания). Для пятой – получения. Для шестой – ожидания и обретения. Для седьмой – мобилизации и поиска. Все группы, кроме последней и первой, актуализируют также значение положительности, высокой или значительной степени содействия.

В первой группе встречаем такие интерпретации:
- *быстрое, но не легкое достижение намеченной цели;*
- *сложная и трудоемкая работа, сопряженная с препятствиями, которые вы в конце концов*

преодолеете;

- вскоре на вас свалится важная работа и, если вы не выполните ее быстро, ваши интересы пострадают;

- успеха вы добьетесь, в противном случае ваши старания, а возможно, и жертвы, будут напрасны;

- затянувшееся дело, которому было отдано вами много сил и хлопот, получит неожиданное завершение.

Пренебрегая подробностями и модуляциями, различные случаи получения результата, отраженные в представленных интерпретациях, можно свести к трем основным моделям: TFR, FR и FTR, где T – скорость, фактор времени, F – сила, работа, усилия, вклад, отдача, посвящение, жертвы, R – достижение, результат, получение (то, что ближе всего связано с идеей успеха). Модель TFR – интерпретация первой строки; модель FR – второй, модель FTR – третьей. Последующие строки распределяются между обозначенными тремя: четвертая строка повторяет модель второй (FR); пятая – совмещает все три модели, организуясь фигурой первой (TFR). Уточнение моделей может происходить путем усиления (удваивания показателя), присоединения (дополнительных показателей-актуализаторов), комбинаторного размещения (посредством логических операций) и совмещения (двух или трех одновременно моделей с предпочтением фигуры какой-то одной).

Уточнение модели первой строки происходит по типу комбинаторного размещения: $T / F > R$ (быстрое, но не легкое, т.е. требующее усилий, достижение результата).

Вторая строка, помимо комбинаторики, предполагает удваивание и, возможно, присоединение показате-

ля, оборачивающегося совмещением моделей: $FF > (T)R$ (сложная и трудоемкая работа, сопряженная с препятствиями, – предполагает FF , т.е. усиление; преодоление в конце концов, помимо достижения в R , содержит и фактор времени, т.е. T , но как дополнительный).

Третья строка получает вид: $(TM)FT < R$ (вскоре на вас свалится – T – важная – M (magnum) – работа – F – и, если вы не выполните ее быстро – T – ваши интересы пострадают, т.е. результат оказывается комбинаторно обратным от исполнения, из чего следует $< R$ в структуре модели). Уточнение, таким образом, происходит за счет присоединения, размещения и совмещения (фигуры третьей модели с первой).

Четвертая строка определяется через усиление (удваивание) и размещение: $FF > < R$ (достижение успеха определяет результативность немалых усилий, того, что было вложено, отсюда взаимообратность устанавливаемых отношений в модели $> <$).

И наконец, пятая строка может быть представлена полностью в виде $TFF (T) > R$: неожиданное – T – завершение затянувшегося (T) дела, потребовавшего много сил и хлопот – FF . Модель предполагает удваивание, совмещение и размещение.

Более подробное рассмотрение представленных интерпретаций группы усилия, организуемых по моделям TFR , FR и FTR , раскрывает дополнительные возможности определения интересующей нас парадигмы. *Быстрое, но не легкое достижение намеченной цели* первой строки устанавливает характер заложенного в модели стигания: быстрота и легкость (нелегкость) связываются с идеей бега, преследования, стремления к мете, финишу, термину (*намеченный*), вписываясь в концептуальную группу движения.

Концептуальных групп подобного рода, покрывающих собой рассматриваемые модели успеха, можно вы-

делить три. Это группы движения, упорядочивания и заполнения. Само их присутствие значимо. С этим связывается идея успеха. Успех достигается в быстром движении с настижением, в установлении (наведении) порядка и в заполнении, наполнении чего-то чем-то. Это успех беглеца, бегущего, соревнующегося (убегающего?), с одной стороны, и успех исправного исполнителя, организатора, диспетчера и распределителя (распределяющего), с другой.

Отсюда важными для концептуальной группы движения оказываются показатели времени (скорости) и прилагаемых усилий, для группы установления (наведения) порядка – умения и старательности, для группы заполнения (наполнения) – квантитативности, обладания и способности жертвовать (самопожертвование). То внешнее, внесубъектное, которое необходимо освоить для достижения успеха, предстает как движущаяся, способная удаляться, перемещаясь, в пространстве и времени цель (прототип недостижимого *светлого будущего*); как хаос и беспорядок, который не поддается, который необходимо организовать, что требует огромных и часто бесплодных, напрасных усилий (прототип *государства* в рассматриваемой ценностной парадигме) и, наконец, как дыра, пустое пространство, бездна, яма, которую надо заполнить и которая опять-таки требует посвященности, жертв, массы, массива и неисчерпаемых усилий (прототип *родины-матери*, черной вагины и черной дыры, если мифологически).

Успех в таком повороте, видимо, не случайно оборачивается *обреченностью*, ибо либо ты его, либо оно тебя, и это и есть скрыто навязываемая, имплицитно предполагаемая формула такого успеха, который оборачивается идеей грозящей гибели в случае неуспеха. Успех фактически означает спасение – в беге (бегстве), приспособляемости либо таком большом обладании, ко-

торое может заполнить собой *зияющую вершину* дыры. Первое связывается с успехом стигания, второе – с успехом порядка и третье – с успехом имения, обладания, массы.

Интерпретация второй строки ("сложная и трудоемкая работа, сопряженная с препятствиями, которые вы в конце концов преодолеете") предполагает проекцию одновременно двух концептуальных групп – порядка и заполнения. *Сложный* – запутанный, требующий хорошей организации и порядка; *трудоемкий* – вбирающий в себя, поглощающий, забирающий много усилий, требующий заполнения; *сопряженный* – привязывающий и привязывающийся, прикрепляющий к себе, притягивающийся и притянутый, от которого не уйти, требующий напряжения и сил в этой присоединенности (идея цели, приковывания, оков); преодоление препятствий, сопряженное с этим, приобретает особый, усиленный, массово напряженный характер и смысл.

Третья строка также весьма когнитивно заряжена ("вскоре на вас свалится важная работа и, если вы не выполните ее быстро, ваши интересы пострадают"): заполнению придается статус (важность), сопровождаясь идеей постегивания, стегания, аврала, с угрозой благополучию, с угрозой ущерба. Заполнение подобного рода, к тому же в условиях спешки, приобретает характер заполнения (наполнения) *собой*, сопрягаясь, подстегиваясь дополнительно идеей страданий.

Четвертая строка ("успеха вы добьетесь, в противном случае ваши старания, а возможно, и жертвы будут напрасны") имеет форму категорического императива, замешанного на сложной идее бесплодного, тщетного посвящения, жертвования, вкладывания себя, стучания (в двери, в сердца), противодействий, препятствий, стараний, стираний и добывания. Успеха надо *добиться* – от *биться*, *добиться* и не *добиться*, стучать и не досту-

чатся; или ты его добьешь и добьешься или он(о) тебя добьет, ты сотрешься в своих напрасных и праздных, пустых, ничего не способных заполнить собой стараниях бы(и)тия: ср. известные русские формулы, построенные на игре слов – *Битие определяет сознание; Бить или не бить – вот в чем вопрос*. Невероятная и парадоксальная на первый взгляд форма императивного указания применительно к идее успеха – “успеха вы добьетесь, в противном случае...”, – заряженная к тому же угрозой грядущего наказания за труды, выглядящие пустыми, напрасными и ненужными, в оценивающих и взвешивающих, общественно пристальных и пристрастно заинтересованных коллективно ревнивых глазах, – как нельзя более точно передает отношение к успеху и неудаче в системе ценностей рассматриваемой парадигмы.

Пятая строка выглядит облегчением – “затянувшееся дело, которому было отдано вами много сил и хлопот, получит неожиданное завершение”: вас помилуют, после того как уже *затянут (на шею веревку; в бесплодную, напрасную, вытягивающую силы, выматывающую, нескончаемую мутоту)*, завершение, заполнение собой наступит неожиданным образом, по мановению (чьей-то капризной и снисходительной воли). Идея времени приобретает характер затягивания (веревки на шее, в болото, из которого выхода нет, протягивания, волюнки, вождения за нос), требующего заполнения, самоотдачи, посвящения, количеств, множественности, пустой суеты. Время становится мерой терпения и (бес)предела вытягиваемых сил, оборвать растягивание которого субъект не волен, не в состоянии, не в силах, прерывание может быть только внешним, наступившим извне и для него неожиданным.

Вторая группа моделей успеха – группа достиже-

- ния – включает такие интерпретации:
- достижение успеха;
 - скорый успех;
 - успешное завершение дела;
 - успешное завершение начатого дела;
 - успешное завершение ранее начатого дела;
 - успех в планируемом деле;
 - успешная реализация замыслов;
 - скорое достижение цели;
 - неожиданный успех в деле, считавшемся безнадежно испорченным;
 - успех в делах;
 - неожиданный успех в делах;
 - успех в даже рискованном предприятии.

Основных, не уточненных моделей можно выделить три: R, AR и PR, где R – результат, достижение; A – предприятие, дело, деятельность; P – планы, планирование, замыслы, расчеты. Основной набор представлен моделью AR, две другие встречаются реже. Рассмотрим их по порядку строк с возможными уточнениями.

Достижение успеха: $> R$. *Скорый успех* – та же модель, но с присоединением: $> (T)R$. *Успешное завершение дела:* $A > R$. *Успешное завершение начатого дела:* $(T)A > R$. *Успешное завершение ранее начатого дела:* $(<T)A > R$. *Успех в планируемом деле:* $P(A) > R$. *Успешная реализация замыслов:* $P > R$. *Скорое достижение цели:* $> (T)R$. *Неожиданный успех в деле, считавшемся безнадежным:* $(MN)A > (T)R$, где MN имеет значение нереальной модальности. *Успех в делах:* $A > R$. *Неожиданный успех в делах:* $A > (T)R$. *Успех в даже рискованном предприятии:* $(QU)A > R$, где QU имеет значение квалификатора неуверенности, сомнительности предполагаемого результата.

Подробное рассмотрение значений по строчкам

представляет проекцию-продолжение идеи стигания, обусловливаемой идеей скорости скорого (скорый успех – как скорый поезд), идеи завершения, соединяющей движение, продвижение с заполнением и порядком, проекцию неожиданности, нарушающей, исправляющей ход, предполагающийся как неблагополучный (*безнадежно испорченный*).

Появляются и новые, дополнительные оттенки – вокруг ожидаемости / неожиданности. *Планируемое* – ожидаемое, подготавливаемое, закладываемое, нередко одобряемое и/или навязываемое извне или сверху. *Счастлирое* – в контексте завершения дела ранее начатого воспринимается как подарок, как неожиданность, как то, что дает ощущение *советского* счастья и *чувства глубокой благодарности*, следуемой из него: когда получаешь вдруг неожиданно то, на что не можешь, не должен рассчитывать, чего, как правило, не случается, не бывает, например, отсутствие очереди, дефицит, или когда тебе вдруг дается снисходительно то, что у тебя же когда-то и было отобрано, а ты об этом не знал, или, возможен третий, особый и специфический, специальный, случай, на советском языке обозначаемый префиксоидом *спец-*, когда тебе дается, ты получаешь то, чего все лишены, чего у других нет, – *спецпаек, спецобслуживание, спецрейс*, с идеей распределения и избранности. И, наконец, *рискованный*, также имеющий свой специфический неблагонадежно-опасный налет, однако в приведенном контексте не актуализированный. Идея риска здесь предстает в повороте сомнительности, т.е. все той же напрасности и потенциальностной пустоты (то, что требует заполнения, наполнения, *сомнительного* риска вания собой).

Третья группа – положения (дел) – немногочисленна:

- положение в делах;
 - упорядочение дел;
 - дела будут идти все лучше и лучше, –
- представляющие последовательно модели позиции $> St(A)$, порядка $> Rg(A)$ и нарастания (подъема, роста, увеличения в сторону оптимума) $> Gr(A)$, где St – statio, Rg – regulatio, Gr – gradatio A (предприятия, дела).

Проекция показателей, актуализируемых в моделях, дает представление о характере темы: *дело (дела)* могут определяться в отношении некоторого исходного и его развития, продвижения, с переходом к лучшему либо худшему, с градацией / деградацией, либо, напротив, без продвижения и изменений. *Дело (дела)* в этом случае понимаются как значимая проекция его, его экзистенциально отмеченная, персонифицированная деятельность, характеризующая его состояние, статус, самоощущение и самочувствие, в определенном смысле отождествленная с ним, им освоенная и от него неотъемлемая. Отождествленность подобного рода дает основание квалифицировать человека по состоянию дел. *Положение в делах, упорядочение дел* означают прежде всего положение и упорядочение его состояния; их возрастание – рост благополучия для него.

Для *дела* в этом случае важно быть не просто приведенным в порядок, но изменить свой статус, подняться, вырасти, ибо это то *дело*, которое оказывается *делом всей жизни*, а не то и не те *дела*, которые следует как можно скорее куда-нибудь *дать*, растолкать, распахать, избавиться, сплавив, сбыв куда-нибудь с плеч долой. Порядок их распределения (определения) имеет значение и определяет во многом все прочее, становится основанием и залогом успеха. Приветствие *как дела?*, не предполагающее обстоятельного ответа, имеет смысл

лом обозначение именно этого. *Положение дел* оказывается той основой, которая этот самый успех обеспечивает и, продолжая сравнение со скачущей лошастью, можно сказать, что *положение дел* – это состояние лошади, ее способность, возможности, и, главное, физическая форма ее в момент бега.

Четвертая группа – перспективы – тоже немногочисленна. Это

- блестящие перспективы и
- получение выгодного предложения.

Им соответствуют модели SC и SD. Полный вид: (Sp)S(A) > C – открывающаяся (C, cessum, идти, ступать, переходить) сфера (S) деятельности (A) с показателем суперлатива (Sp) и (Ps)S(A) > D – обретение, предоставление (D, datum, даваемое) сферы деятельности, позитивно (Ps) оцениваемой.

Группа перспектив субъектно не обусловлена. То, что дается, что открывается, оказывается и предстает как независимое пространство благоприятствования, в которое можно попасть. Но можно и не попасть, и это ни от чего не зависит. Внешнее и сияющее, далекое и впереди, оно может также легко исчезнуть, как появилось, оно *перспектива*, в определенном смысле иллюзия, вид и видимость, то, что открывается здесь и сейчас, в данном месте и на какое-то время. И это зависит от места, от точки и положения, связываясь, тем самым, с идеей стигания, достижения, попадания. Но скорость, способности, сила бегущего и стигающего в этом случае ничего не решают. Решают другие свойства – умение оказываться в нужный момент в нужном месте, умение попадать, умение согласовываться. Идея блистания, блеска в них, в перспективах, предполагает позицию, угол зрения: блестящее блестит под каким-то углом, под

другим оно может быть темным, скрытым, упрятанным. *Получение выгодного предложения* также само по себе ничего не значит, никак, в существе своем, получившего не характеризует. Это случай, опять-таки попадание, на этот раз внешнего на субъектное, в отличие от открывающейся перспективы.

Пятая группа – везения – определяет меру, характер и факт удачи:

- *вам повезет;*
- *вскоре крупно повезет;*
- *исключительная удача;*
- *неожиданное везение.*

Модель, в своей основе, одна: > D (в первой строке), с уточненными модификациями: > (T)(K)D (во второй, с коэффициентом квантитатива K); > (Sp)D (для третьей) и > (T)D.

Везение ассоциируется с движением (продвижением), способствованием ему. Внешние силы, воздействуя, продвигают стигающего вперед, одновременно *везут, вывозят ему (и его) навстречу успеху, удаче*, тому, что желанно ему и к чему он стремится. Показателями везения оказываются факторы времени, количества, меры (того и другого, иногда совмещенно). Показатели все тех же движения и наполнения. Группа порядка, позиции, упорядочивания себя здесь не проявляет. Везение – дар и приз, не работа: беги, стремись, вертись – авось, повезет. Везение компенсирует затрачиваемые усилия – в наполнении и беге, возвращая отдавшему от себя и способствуя продвигающемуся. Однако мера затрачиваемых усилий со стороны стремящегося при этом отнюдь не учитывается. Возвращается не тому больше, кто больше затратил сил (в этом случае причитается *вознаграждение* и *награда*, что отнюдь не равно везе-

нию), а *совпавшему* – на кого *упало*. Закон такого падения, попадания скрыт, он таится в глубинах включения / исключения, исключительности. Везет тому (и *везет* того), удастся, дается тому, кого оно выделяет, кто оказывается *легко, пушист*, кого оно любит, предпочитает, оно в данном случае – это удача, успех, сила притягивания, притяжения удачи, успеха, дух удачи.

И здесь мы подходим, по-видимому, к еще одной стороне успеха, на глубине русскоязычного сознания претворяющегося в идею смерти, завершения и конца *не здесь*, в идею потустороннего. Случайным ли образом, а может отнюдь не случайным, *успех* объединяется в голове с *успением*, не будучи однокоренным ему (*успление*, от *усьление, усьпление*, к *спать* “засыпание, сон” и “смерть, кончина”). В древнерусском *усле* означало (о высокой обычно особе – князь, боярин) “умер, почил, опочил”. Ср. у Высоцкого, с развертывающимся образом интересующего нас конного бега, стигания (к *успеху-смерти*, с сквозной идеей *поспеть бы*): “Мы *успели*: в гости к Богу не бывает опозданий”. Сюда подходит и речевая метафора *отдыха, отдохновения*, наступающего по смерти и только в ней: *отдохнем на том свете; на том свете отдыхать будем; там отдохнем*, – с идеей последнего *вздоха, выдоха* и *отлетающего* в последний момент, с последним часом *дыхания (духа, души)*: после того как *успели*, выдохнув полной грудью и с облегчением, *отдыхают*.

Духовные корни успеха, следовательно, если не сам успех, постигает (достигает, может достичь-постичь) человек не здесь. Это явление не сего мира, явление потустороннее, сюда приходящее, сюда навещающееся, сюда само не стремящееся. Представление это не русскоязычно, оно всеобщее, нас интересует, может интересовать только трактовка, интерпретация и размещение (смещение) акцентов общего представления в той пара-

дигме ментального императива, которая не предполагает свободы выбора для лица и акциональной персонафицированности.

То, что в свободе духа можно и необходимо постичь (умом, сознанием), чтоб потом достигнуть, то в условиях смешения и подмены, можно, достигнув телом, физически, не постичь: постижение потустороннего в достижении его через физическое без соответствующей обращенности к своему началу становится, обращается к постигающему другим концом – концом физическим, смертью. Отсюда успех, возможный только в усении и уходе. Бег, стигание, оборачивающиеся бегством, чтоб не настигли тебя самого, не ты стигаешь, тебя стигают, а не настичь могут только там, не здесь, на том свете, в другом и свободном мире. Подмена и размещение в сути своей оказываются концептуальны, но это концептуальность пространственная и внешняя в отношении стигаемого / стигающего лица.

Шестая группа – ожидания и обретения – добавляет к сказанному свои концепты:

- *исполнение желаний;*
- *скорое исполнение самого заветного желания;*
- *исполнение самого невероятного (на первый взгляд) желания.*

Основная модель: $E > PI$ (наполнение). Модификация для второй строки: $E(Ip) > (T) PI$, где E – сфера эмоций, желания и мотивации, Ip – имплицитное, скрытое, спрятанное, скрываемое, тайное. И для третьей: $E(Ir) > PI$, где Ir – ирреальное, невозможное, невероятное.

Сфера эмоций, желаний, потребностей предстает как то, что требует наполнения, то, что надо заполнить, что, поглощая, противоречит в сущности, конкурирует с

идеей успеха в его концептуальной трактовке, также связанной с необходимостью наполнения, заполнения, исполнения, давания от себя. Мировоззренческая идея того, что желания губят, человек – раб желаний, откажись от желаний, если хочешь чего-то достичь.

Одновременно с этим, она, эта сфера, оказывается тем, что следует прятать, что не должно показывать, открывать, ибо открытое и объявленное, желание, реализуясь словами во внешнем, теряет силу; переставая быть скрытым, перестает, тем самым, и быть, становится недостигнутым недостижимым; меняя свою модальность, переходя из плана возможного и невозможного в план реальный, становится *нереальным* и *невозможным*.

Желание – бочка, которую скачущий едет наполнить, но которая, видимая, становится мыльный пузырь. Отсюда ее ирреальная раблезианская *невероятность* Пантагрюеля-Гаргантюа (производимого от Que Grand Tu As – какой ты огромный, большой): *Робин-Бобин Барабек скушал сорок человек, и корову, и быка, и кривого мужика; Шалтай-Болтай сидел на стене, Шалтай-Болтай свалился во сне, Вся королевская конница, Вся королевская рать Не может Шалтая-Болтая Болтая-Шалтая собрать* – представляемый как круглая бочка-яйцо на коротких ногах прожорливый человечек желаний, модальности нереальности принадлежащий, к ней относящийся, в ней находящийся и могущий быть только сном и во сне, в другой реальности, утрата, потеря, травление, уронение, падение которого – из мира сна – ведет к распаду, исчезновению, уничтожению его самого, этого нереального, мыльно-пузырного желания, бочки-яйца, – фольклорно-средневековая спрятанная в человеке ненасытимости желаний, обыгрываемая в русском фольклоре в мотиве Курочки-Рябы, опять-таки с разбивающимся трагически пробегающей мышкой яичком и обещанием другого – не простого, а *золотого*, т.е. опять же такого,

которое не *отсюда*, не *здесь*, из другого мира, другой модальности, и потому не *реального*.

Седьмая, последняя группа включает такие интерпретации:

- *опасности угрожают, хотя ваши шансы на победу реальны;*
- *прекрасные шансы добиться победы или успеха, но нужно проявить житейскую хитрость;*
- *при достаточном терпении ваша цель будет достигнута;*
- *достижение ваших целей окажется более трудным, чем вы предполагаете;*
- *успех после преодоления нелегких препятствий;*
- *промедление в деле, которое вы задумали или начали, невозможно: всё может рухнуть; только быстрота и натиск вас приведут к цели;*
- *вы можете упустить заманчивую возможность;*
- *тщательная подготовка вашего плана обязательно обеспечит ему успех, –*

являющиеся по существу вариантами одной основной модели в двух своих разновидностях: $M(C)R$ и $MC(R)$, где M отражает идею необходимости мобилизации, поиска пути к достижению, предполагая одновременно модальность условия, нереальности, предположения, допущения; C – уже встречавшуюся в группе четвертой идею открывающегося пути, возможности и перехода и R – результат и его достижение.

Полный вид моделей по строкам может выглядеть следующим образом:

$M(Ng) > (C)R$ – для первой строки, что означает необходимость мобилизации усилий и поиска пути (M) к преодолению внешних сопротивлений,

неблагоприятствующих обстоятельств и негатива (Ng) на пути (C) к достижению (R).

$(Tx)M > (Sp)(C)R$ – для второй строки, что означает необходимость тактики, тактических проявлений и действий, знания правил (Tx), для того, чтобы воспользоваться открывающимися путями (C) к достижению результата (R), наилучшими из возможных (Sp).

$(T)(F)M > R$ – для третьей, что предполагает, соответственно, необходимость мобилизации в связи с фактором времени (T) и усилий (F);

$(PI)(F)M > R$ – для четвертой: мобилизация усилий (F), больших, чем некоторое исходное, требующих дополнения, пополнения (PI) по сравнению с ними, обеспечивает успех.

$(FF)M > R$ – для пятой, значение которой понятно из составляющих: мобилизация усилий, довольно значительных, больших, чем средние и обычные (FF).

$/(TF)M(A) > /R$ – для шестой, что означает: отсутствие мобилизации по фактору времени в связи с необходимо прилагаемыми при этом усилиями в отношении мобилизуемого (моделируемого, планируемого, задуманного, начинаемого) A – предприятия, дела – ведет к не-R, ведет к падению, недостижению цели. Будучи организованной по отрицанию с показателем (/), модель приобретает характер предупреждения. Положительный вид модели снимает жесткость такого условия.

$M < (Ps)C(R)$ – вы можете упустить заманчивую возможность (седьмая строка): ваше модальностное состояние (M) не нацелено в сторону правой части, мимо вас проходит, вы не достаточно мобилизованы в сторону позитивно оцениваемой (Ps) открывающейся (C) возможности к достижению

нию (R).

(Rg)(Tx)M(A) >> R – тщательная подготовка вашего плана обязательно обеспечит ему успех (восьмая строка): успех обязателен, его последование усилено, наступление очень сильно (>>), если в левой части мобилизуются (M) показатели регуляции (Rg) и тактических средств (Tx), определяющих *тщательность подготовки* в отношении модальностно определяемого (плана) дела: M(A).

В прослеживавшемся концептуальном смысле седьмая группа соотносима с первой. Соотносима прежде всего характером обусловленности, предполагающей подчеркиваемую, проецируемую зависимость достижения от участия, степени втянутости, включенности, мобилизованности субъекта.

Для седьмой, так же как и для первой группы, характерны те же идеи стигания, наполнения и упорядочивания, необходимые для достижения, хотя и в другом, акцентно смещенном виде. *Опасности угрожают, хотя ваши шансы на победу реальны* – создает ощущение нависания, неприязненной, грозной заряженности окружения без объективной ясности знания, что именно или кто грозит (угрожает, опасен). Фиксация на опасностях и их выявлении для себя ничего не дает. Они потенциально могут быть чем угодно, любым, любое знакомое или не знакомое в равной мере может обернуться и оказаться опасностью, повернуться к субъекту этой своей стороной. Но параноидальный страх ожидаемой и/или угадываемой опасности, определяемой как опасность, страх *дефиниции* для себя предмета именно в этом смысле, как предмета грозящего и опасного, дефиниции, предполагающей упорядочивание, выяснение, расставление по местам того, что вокруг, – ничего не даст.

Заполнение, наполнение, восполнение – *опасной*

бездны, зияющей, поглощающей, вдруг распаивающейся, вероятной ямы-дыры, – не то. Эта опасность другого рода, опасность не бездны-ямы, а вдруг-выпячивания, – того, что вдруг появляется неожиданно из-за угла, становится на пути, нападает, падает, преграждает, сваливается или уже есть, присутствует как такое, уже упало на вас, и вам только предстоит увидеть вскорости, что оно есть.

В контексте других происходящих событий – *хотя ваши шансы на победу* – это опасности *на пути*, всё того же стигания или следования. Эти опасности можно и нужно преодолеть в пути. В пути, при движении, беге, выскакивании, насккивании на них, столкновении с ними, они угрожают и для бегущего только, стремящегося, представляют опасность. Поэтому и преодолеть, уйти от них, оторваться как от опасностей можно, по-видимому, тоже только в пути. Движение, таким образом, связано с появлением опасностей и с препятствиями. Тот, кто не движется, ни к чему не стремится и ничего не желает достичь, с опасностями подобного рода и не встречается. Мятущемуся, беспокойной душе нет покоя, и он потому заряжен надвигающимися на него постоянно опасностями, он сам опасен.

Вторая строка – *прекрасные шансы добиться победы или успеха, но нужно проявить житейскую хитрость* – предполагает проекцию упорядоченности, но особого рода: внутренней, для себя, и сопряженной с идеей времени. Времени внутреннего, своего, в себе, и времени проецируемого из себя, – отмеченная способность просчитывания ходов, предвидения возможных ответных действий. Успех становится в зависимость от способности наведения, вписывания себя в окружающее, от проективных и приспособляющихся особенностей индивида, его способности к монотонной целенаправленности в проявлении силы (контекстное добиться по-

беды, успеха). Однако подобные проявления не всегда могут быть необходимы, их актуализация будет зависеть от шансов – того, что предлагают в данный момент обстоятельства, складывающийся житейский сюжет.

При достаточном терпении ваша цель будет достигнута – актуализация параметров групп движения и наполнения; от умения упорядочиваться в данном случае ничего не зависит. Но эти движение и наполнение специфичны. Это движение (точнее проецированная способность к движению), обращенное внутрь, в себя, с накапливанием, наполнением, преобразованием движения внутри себя в потенциальную его силу и опять же способность к движению: беги, чтоб бежать, чтобы мочь бежать, чтобы долго бежать для того, чтобы мочь бежать еще дольше, тогда достигнешь, – такова приблизительно формула заложенной в данной строке идеи успеха, с бесконечностью обращений, заложенной в ее основание.

Достижение ваших целей окажется более трудным, чем вы предполагаете – строка проявляет значения групп движения и упорядочивания: движение (предполагающаяся работа, труд) потребует многих усилий, больших, чем определяют, регулируют, распределяют и упорядочивают для себя перед этим, планируя достижение.

Успех после преодоления нелегких препятствий – строка движения, силы, способности сопротивляться силе и сопротивление преодолевать. Концептуальная схема строки напоминает движение по болоту, которого смысл состоит и определяется в выходе из него, в том, чтоб его пройти: удачное завершение заключается, состоит не в обретении нового, не в получении и достижении чего-либо, а в избавлении от того, что есть. Достижение происходит не с обретением большего или лучшего к уже имеющемуся, не с получением позитива (оптимума), а с устранением негатива, избавлением от него.

Акцентированный и не случайный порядок слов с вынесением слова *успех* на первое место перед тем, что *после*, делает его, этот *успех*, какой-то многообещаемой серовато-приподнимаемой будничностью, — как *после* того, что *перед*, и что должно бы быть потому после него как всегдашнее и обычное, как то, что естественным образом следует вслед за ним, но что, изменяя акцент, становится обусловленным волей вмешивающегося в этот естественный ход даятеля, и потому должно быть ценимо всеми как необычное и исключительность, — схема анекдота о сумасшедшем доме с бассейном: *Вот, мы теперь не какие-нибудь там, тоже плавать учимся... Будем себя хорошо вести, сказали, тогда они (врачи) нам и воды нальют.* Успех происходит как облегчение после преодоления нелегких препятствий, как освобождение, наконец, от них, ибо смысл его оказывается зависимым и обусловленным ими.

Промедление в деле, которое вы задумали или начали, невозможно: всё может рухнуть; только быстрота и натиск вас приведут к цели. Идея стигания достигает своего апогея, становясь едва ли не маниакальной. На карту поставлено всё, сила бития и обвала (аврала) достигла максимума: вашему битию в предшествовавшем стремлении добиться и достучаться противопоставлено другое, с другой, противоположной от вас стороны. Силы стучания накопились и должны разрядиться, обрушившись, разрешив себя в вашу либо, что более вероятно, не в вашу пользу. Мертвая, сфинксова с виду несвротимость каменного стояния, в которую билось, стучалось, грозит чихнуть, зарядилась движением. Но не движением вспять или встречу, не каким-нибудь там направленным, вперед, назад, с изменением, с осознанием или как-нибудь. Нет, это просто движение рухнуть. От стуков и бития она зарядилась ответным движением бития, на сей раз бития погребаящего: глыба падает, вот-вот упа-

дет, погребя все ваши замыслы с размахом, подмяв и накрыв их собой, и только быстрота и натиск на эту глыбу приводят к цели, которой (целью) до этого были вы. Или оно вас одолеет, упав и рухнув, или вы его – мимо него, под ним с быстротой и натиском проскочив.

Вы можете упустить заманчивую возможность – упущение заманчивой перспективы переводит вину заведомо на зазевавшегося и задумавшегося. Надо быть всегда наготове, всегда в состоянии бдительности, всегда начеку, а если что пропустил, сам виноват: говорили, предупреждали. А то, что возможность заманлива, т.е. сомнительна, неверна, иллюзорна, способна, заманив, обмануть, неважно, на то она и возможность, ей еще надо уметь воспользоваться, не упустив, – голубую птицу счастья-мечты. Упустить, по-видимому, можно то, что имеешь, то, что везешь с собой. Упустить (пропустить) можно проезжаемую станцию, открывшийся вид, пейзаж. Упустить можно что-то из виду, будучи рассредоточенным, рассеянным или несобранным. Упускаемое, следовательно, стигающий, едущий к цели имеет в себе, с собой, это его возможности, которые он как возможности упустил, потерял в дороге. Знание себя и умение видеть в себе и себя, в продвижении к цели, словно пейзаж, меняющегося, составляет внутренний смысл строки. Однако с перемещением акцентов смысл этот меняет объект: *вынося возможность во внешнее, в обстоятельства, в наблюдаемое, мы получаем заманчивость и рассеянную задумчивость, а не развитие и совершенствование своих способностей внутри себя.*

Динамическое, становясь статическим, из стимулирующего и способствующего, допускающего возможность, превращается в оценивающее упускающего возможность, подтрунивая в конечном итоге и насмехаясь над ним. Возможности как потенция, потенциал, человека, динамические свойства его как самоорганизую-

щегося, себя созидающего и определяющего, регулирующего себя существа, обращаются в упущение себя как возможности, которое уже как бы и произошло, состоялось, поскольку возможность-то только заманчива, поманила (поманит) – и нет. В свойства, иными словами, статические, классифицирующие, определяющие его для других, позволяющие другим судить о нем, говорить и считать его могущим упустить возможность.

Тщательная подготовка вашего плана обязательно обеспечит ему успех – напоминает по тону военно-трудоу, повинностную директиву, где опять-таки фигурируют тревожные строгие ноты, сводящиеся к идее быть или не быть. С необходимостью и обязательностью (как обязанностью для всех) тщательно убирать за собой, застегиваться, тщательно заправлять постель, тщательно готовиться (к экзаменам, защите Отечества, обороне). Актуализируемая для данной строки группа упорядочения соединяется с наполнением. Регуляция становится не способностью, не свойством меняться, а грузом, тяжестью, тем, что, предварительно упорядочив, распределив, разложив, берут в дорогу с собой. Мобильность, способность действовать по ситуации, в зависимости от нее, заменяется предварительным составлением плана, необходимостью тщательной подготовки; участвующее реагирование – готовностью и исполнительностью.

В обязательстве императива звучит заклинательная уверенность в будущем как в настоящем и как в себе самом, меняя модальные планы реального / нереального, делая нереальным реальное, но при этом не наоборот. И в этом, пожалуй, одно из существенных свойств изучаемой парадигмы: замена модальностей оборачивается в сослагательность существующее, делает только возможно-желательным то, что должно быть по сути индикативом. Успех обеспечивается, его обеспечивают и

им обеспечивают – как обеспечивают того и то в акцентированно перемещенном мире, что заранее, по распределению и по плану, должно быть, обязано быть обеспечено; на успех (неуспех) быть обречено.

Мир этот не допускает случайностей, случайных успехов, случайных, не обеспеченных лиц, к успеху не обязательных. Мир этот страшен в необязательной части своей, в той части, которая тщательно не подготовлена, не проверена, не закреплена. Страх, вытекающий из необязательности, рождает необходимость быть обязательным и обязанным (для успеха и для лица) в обязательности своей – обеспечиваемой тщательным планом благонадежности к такому проверенному и тщательно подготовленному тем же тщательным планом успеху. Никакого *вдруг* не должно и не может быть, неожиданность невозможна.

Неуверенность в силах, внутренняя неуверенность в способностях и, в конечном итоге, праве своем на то, на что права такого нет, создавая объективно и необходимо бесправие, рождает необходимость объективируемой для себя субъективной уверенности, выражающей себя в обязательности того, чего нет, что только может либо не может произойти и что, будучи таковым по экзистенциальному свойству, не может рассматриваться, планироваться и как-то учитываться, браться в расчет, что, становясь волевым усилием (насилием) обязательным, оказывается уже невозможным и что в реальности, тем самым, уже обязательно, наверняка никогда не будет, не произойдет, не может, по модальному такому условию, произойти. Утомленная крутящимися модальностями мысль ищет выхода и находит его – в тщательной подготовляемости плана, в замене работы сидением, способностей – обладанием, возможностями в смысле умения и мастерства – возможностями в смысле долгой руки, обеспечивающей хватание, для того чтобы

обладать и брать, чтобы *тщательно быть подготовленным* к этому и такому миру.

Субъективно организуемый таким образом мир становится императивным, диктуя условия и модели возможного проявления и участия для живущих в нем. Интерпретация подменяет интерпретируемое. Сон сознания становится сном наяву, утверждая о себе не то, что он есть, а то, как привычно и установлено, как принято (стало принято) о нем в этом мире думать, заменяя *непонятное, пугающее* неопределенностью и потому сомнительное, на понятное и простое, в своем ценностном смысле определенное; сложные и глубинные образы прототипов, архаики и традиции, в условиях без традиции, – на доступные, аксионально заряженные когнитивы. Внешне подобные замены в глаза не бросаются, их новый и измененный смысл, по сравнению с традиционными смыслами знаков сна, если и отличается чем-то от них, то незначительно, не нарушая как бы законов и логики “жанра”.

Знаки-лексемы языкового сознания⁴

Попробуем несколько обстоятельнее и изнутри присмотреться к операциональному и когнитивному наполнению знаков-лексем, к их устройству, к самой этой логике объяснения смысла, определив пути, по которым может происходить объяснение, сопоставив эти пути с другими, традиционными. Возьмем для этого небольшой фрагмент изучаемого словаря, скажем, четыре буквы: А – Г. Выберем из него те лексемы, которые определяют

⁴ Фрагмент этой части лег в основу статьи *Концептуальные и речевые клише как мотивирующая основа знаков-лексем языкового сознания* // Cuadernos de Rusística Española. Nr 1. Red. R.G. Tirado, E.Q. Gervilla, Granada, 2004, p. 189-198.

предметную область *успеха*, попытаемся их каким-либо образом сгруппировать и затем, внутри групп, увидеть мотивирующие и интересующие нас ценностные значения оснований интерпретирующего переноса. Полученную картину попробуем сопоставить с картиной другого такого же словаря, но опирающегося на традицию толкования сновидений, таким для нас будет "Сонник, или что происходит в сне" – научное и практическое изложение Г. Х. Миллера, изданное в Санкт-Петербурге в 1993 году.

В "Энциклопедии сновидений" такими лексемами будут следующие (для полноты представления дадим их в сопровождении актуальной части из толкования):

алфавит – к успешному завершению дела (перечислять устно или письменно буквы алфавита – к непредвиденным трудностям);

альбом (если приснился мужчине) – скорый успех и приобретение новых друзей;

амбар – полный – к богатству, пустой – к бедности; засыпать зерно в амбар – к счастливому завершению ранее начатого дела;

антилопа – знаменует собой ускользящую мечту: достижение ваших целей окажется гораздо более трудным делом, чем вы предполагаете;

апельсин – есть апельсины – знак скорой радости; видеть апельсины, но по какой-либо причине их не есть – вы можете упустить заманчивую возможность;

аркан – если аркан набрасываете вы – у вас прекрасные шансы добиться победы или успеха, но нужно проявить житейскую хитрость (если на вас – сильный удар от врага);

арык – исполнение самого невероятного (на первый взгляд!) желания;

аттестат – приснившийся аттестат, вручение аттестата – хороший знак, предвещающий блестя-

щие перспективы, успешное завершение начатого дела;

багаж – нести или везти тяжелый багаж – к успеху в планируемом деле (если багаж везет или несет кто-то, но не вы – то вам предстоят неприятные хлопоты);

банк – видеть во сне здание или его внутренние помещения предвещает материальные потери, неудачи; сдавать деньги в банк – в недавних ваших поступках вы проявили легкомыслие и неосторожность; получать деньги в банке – вам вскоре крупно повезет, вы добьетесь успеха в любви, уважения в обществе и т.п.;

банка – пустая – препятствие вашим замыслам, а наполненная чем-либо – успешную их реализацию;

барак – вы живете в бараке – неожиданное препятствие в каком-либо деле;

баран – препятствие на вашем пути, которое вы преодолеете без ущерба для себя;

богатство – (выпавшее на вашу долю – к неразделенной страсти, которую лучше попытаться побыстрее погасить, сменив объект вашего вожделения); если разбогател кто-то другой, – неожиданный успех в делах или выигрыш в лотерее;

бревно – препятствие в ваших делах; поэтому если вы удачно перепрыгнули через бревно, то вам повезет; и наоборот, если вы споткнулись и упали – обстоятельства окажутся сильнее вас;

бутон – распускающийся бутон означает скорое исполнение самого заветного желания;

бутылка – видеть полную – хорошо: вы преодолеете все препятствия в любви, добьетесь успеха в делах; если же бутылка пустая, то вам

предстоит утомительная борьба с разнообразными невзгодами;

вагон – ехать в вагоне поезда или трамвая – быстрое, но не легкое достижение намеченной цели;

вафли – есть вафли – к получению выгодного предложения (угощать кого-нибудь – быть обманутым);

венок – плести или надевать на голову – достижение успеха, завоевание авторитета;

верблюд – при достаточном терпении ваша цель будет достигнута;

волейбол – если вы участник – успеха вы добьетесь, в противном случае ваши старания, а возможно, и жертвы, будут напрасны;

вязание – вы вяжете – тщательная подготовка вашего плана обязательно обеспечит ему успех;

гвоздь (гвозди) – к скорому достижению цели (забивать – к семейному счастью);

генерал – неожиданный успех в деле, считавшемся безнадежно испорченным;

гнев – охвативший вас – затянувшееся дело, которому было отдано вами много сил и хлопот, получит неожиданное завершение;

гора – вы обзреваете гору – к упорядочению ваших дел;

горизонт – ясный далекий горизонт – предшествует неожиданному прекрасному положению, которое вы вскоре получите;

горнолыжник – стремительно спускающийся с крутого склона – промедление в деле, которое вы задумали или начали, невозможно: все может рухнуть; только быстрота и натиск вас приведут к цели.

Каждый из представленных знаков-лексем прояв-

ляет при толковании некую мотивирующую основу – ассоциативно-образную, обобщенную, социальную и ценностно-ориентированную. В зависимости от характера и вида основы возможно подразделение представленных знаков на группы. Определение групп и признаки их основания дадут возможность представить характеризующие черты интересующей нас предметной области – ассоциативных, образных знаков успеха для концептуально-ценностной парадигмы данного социума. Внутри нее, в пределах интересующей нас парадигмы, возможны параметры и условия разных уровней и проекций – этнических, исторических, универсальных, ментальностных, мировоззренческих, психофизических, равно как и собственно ценностно- или социумно-ориентированных. Обобщенно, в системе, такое представление могло бы давать возможность определения индивидуального и типического, с проекцией к типу ориентации парадигмы. Представленный в настоящей статье фрагмент можно рассматривать как начало подобного построения.

Первое подразделение будет предполагать десять групп, в зависимости от характера ассоциативного мотивирующего основания (порядок групп в данном случае значения не имеет, расположение произвольно).

К первой группе относится *алфавит*. Мотивирующим основанием его ассоциативной образности для того, что он обозначает (успешное завершение дела), становятся представления о порядке, наборе, перечне, полноте; о знаниях, грамотности, об умении. Порядок, полнота и (исходные) знания – три семантических основания первой группы.

В сознании представителя социума присутствует некий слепок, мотивируемый образ предмета, представляющий собой информационно сжатую перцептивную форму предмета, его компрессив, обобщение опыта – средство и способ для индивида, как представителя со-

циума, ориентации, взаимодействия и проявления себя в этом социуме, в его условиях и пределах, когнитивном и ценностном его поле. Средствами сжатия и хранения такой информации становятся речевые концепты-клише, ситуативно и контекстуально ассоциируемые, извлекаемые из сознания в связи с этими ситуациями и контекстами и заряженные, в том числе и в ценностном отношении, в зависимости и в связи с этими ситуациями и контекстами.

Выводимые признаки – порядка, полноты и (исходных) знаний (для *алфавита*) – как раз и являются основаниями таких компрессивов, обращенных к контекстам и ситуациям с алфавитом: *Да это же азбука (алфавит)*; *Да он и алфавита не знает*; (расположить что-нибудь) *в алфавитном порядке (по алфавиту)*; *Пойди выучи алфавит для начала*; *Тебя еще алфавиту (надо) учить*; *Он уже алфавит знает* (а малом ребенке); *Сам выучил алфавит*; *В школе, в пятом классе, алфавита не знают!*; *Э, да тут весь алфавит (собрался, представлен), как я посмотрю*; *Будем вызывать по алфавиту*; *Как будем решать – по алфавиту?*; *Алфавит надо знать, как же ты будешь потом, когда вырастишь, алфавит – это главное в каждом деле и пр.*

Из таких речевых клише, ситуативных высказываний, хранящихся в памяти, складывается представление об алфавите как о том, что знать просто необходимо, чтобы чего-то добиться, что-то из себя представлять, что это знание обязательное и самое первое, общее и исходное для всего, что алфавит – это все вообще буквы, следовательно, он абсолютен и полон, и что расположены они в определенном порядке, смысл которого не объясним, но обязателен и всеобщ, и все вообще или очень многое имеет свой алфавит и располагается по алфавиту.

Из этих знаний выводится ценностная модель-

клише алфавита как чего-то крайне необходимого, и потому толкование его как знака во сне приобретает весьма конкретный и ценностно-ориентированный в приведенной системе характер: к успешному завершению дела (если видеть во сне алфавит), значит есть все необходимое и в должной, оперативно требуемой полноте, одобряемой и признаваемой социалью как мое знание, умение, грамотность и достоинство; перечислять устно или письменно буквы алфавита – к непредвиденным трудностям потому, что значит забыл основу, раз надо перечислять, значит пытаешься вспомнить то, что должно быть известно, что может, должно, перечислением своим, помочь – восстановить (установить) порядок, напомнить то, что забылось, а следует для чего-то припомнить. Само перечисление алфавита, составляя известную трудность (как вспомнить таблицу умножения, которую нельзя забывать), может быть оправдано только другой, еще большей трудностью, для которой необходимо все буквы перечислять.

Вторая группа представлена словом *альбом* с мотивирующим основанием вокруг эмоционально заряженных и перебираемых светлых воспоминаний, связанных с теми, кто дорог и близок, и которое можно представить признаками эмоционального выбора (набора), верности и поддержки. Актуализируемые речевые контекстные концепты клише: *листать (перелистывать) альбом; любимый альбом; написать (оставить на память) в альбом, показывать (свой) альбом*. Альбом перелистывают, вспоминая; перелистывание альбома успокаивает эмоционально, давая ощущение поддержки, добра, теплоты; семейный альбом показывают только тому, кому доверяют, кого выделяют и любят, рассматривают как родного и близкого человека, кого включают (имеют виды включить) в семью. Отсюда понятным становится объяснение *альбома* как знака сна: мужчине – скорый

успех и приобретение новых друзей (то, что связано с идеей верности, надежности и поддержки); женщине – в ее жизни появится мужчина, который принесет ей счастье (идея эмоциональности, теплоты, доброты, любимого и близкого, надежного, верного человека).

Третью группу составляют слова *амбар* и *банк*. Общим мотивирующим основанием для них будут идеи объемности, емкости, значимого внутреннего пространства, которое надо наполнить (и наполнять), пустота которого, вычерпанность – знак несчастья, беды и голода, а полнота, наполненность – знак изобилия и достатка. Ведущие признаки – емкость (большой объем), наполнение и участие (приложение сил) со стороны наполняющего. Речевые концепты-клише: *наполнить амбар, засыпать в амбар, полный амбар, пустой амбар, амбарный* (т.е. очень большой) *замок, целый амбар, запереть амбар, сложить (свести, свалить) в амбар, хранить(ся) в амбаре*; зерно, хлеб, пшеница – *А это пшеница, что в амбаре хранится Дома, который построил Джек; амбарная* (толстая, жирная и откормленная) *крыса, мышь, амбар(ный)* (такой же толстый, откормленный) *кот*.

Для банка: *сходить в банк (за деньгами), сложить в банк, хранить в банке, банковские проценты, счета, ограбить банк, напасть на банк, нападение на банк, ограбление банка, банковский служащий* (чистый, выбритый, холеный), *работник банка, директор банка* (очень богатый, хотя и нечистый на руку человек, махинатор), *народный банк, сдать валюту в банк, государственный банк* (надежный), *коммерческий банк* (ненадежный, хотя для кого-то, может, и более выгодный), *лопнувший банк, банк лопнул; У меня что тебе банк?* (когда просят денег, много или постоянно).

Отсюда понятным становится прозрачное, едва ли не прямое объяснение полного амбара – к богатству,

пустого – к бедности; засыпать зерно в амбар – к счастливому завершению ранее начатого дела. Такое же прозрачное и дифференцированное участие в банке и всем, что с ним связано, неслучайно ассоциируется с материальными потерями и неудачами – в связи со зданием и внутренними помещениями банка (актуализация ограбления и нападения на банк, махинаторства директора, служащих); легкомыслие и неосторожность – сдавать деньги в банк (актуализация ненадежности и сомнительности участия в банковских операциях непосвященному, банк может лопнуть, обанкротиться, надуть, прогореть); скорое и крупное везение, успех, любовь, уважение в обществе – получать деньги в банке (где много денег, откуда хорошо получать, доставать и брать, а не вкладывать; откуда если берешь – значит тебе повезло, ты счастливчик, легко отделался, тебя, значит, любят и ты – богат!, следовательно, и уважаем, ценим).

Четвертую группу образуют слова *банка, бутылка*, с общим мотивирующим основанием, сходным отчасти с основанием третьей группы: также емкость (объем), предполагающий наполнение и, следовательно, возможность состояния полного или пустого, из которых полное – хорошо, приятно, а пустое – плохо, досадно и неприятно. В отличие от третьей группы наполнение в данной случае не предполагает участия со стороны субъекта, субъект ее, напротив, (потенциально) опустошает. Можно выделить, таким образом, три мотивирующих признака: емкость, наполненность и обусловленность.

Последний признак требует пояснения: состояние (*полное или пустое*) *банки, бутылки* обуславливает фактически состояние субъекта, имеющего к ней отношение, определяет его зависимость от него (ср. известное определение пессимиста и оптимиста по показателю взгляда, зависимой обусловленности от того, как

они себе представляют одну и ту же бутылку как наполовину пустую или наполовину полную).

Речевыми клише-концептами будут: *крутить, закатывать банки* (консервирование, подготовка к зиме, нередко считаемая числом закатанных банок и определяющая, тем самым, достаток и обеспеченность закатавших – голод, рост цен не так страшны), *поставить банки (столько-то банок) на стол* (к приему гостей), *дать банку (банок) в дорогу (домой)* (взрослым детям, родственникам, знакомым – как эквивалент обмена, внимания, доброты, любви, заботы, щедрости), *разбить банку* (трагедия), *банка взорвалась (испортилась, лопнула)*; *банки с вареньем; банки с тушенкой, сгущенкой, черной (красной) икрой, банка растворимого кофе* (все это – как признаки распределителя и достатка, то, чего нет у других).

Для бутылки: *выпить столько-то бутылок, сходить (сбежать, послать) за бутылкой, нет денег на бутылку, на бутылку (у них) не хватает, поставить бутылку, без бутылки не разберешься* (о неясном запутанном деле), *за бутылку все сделают* (о рабочих, сантехниках и т.п.), *тут бутылка нужна* (чтоб расплатиться), *удавится за бутылку* (о горьком пьянице), *бутылки сдавать, спать на бутылках* (о студенческой жизни), *собирать бутылки* (о нищете), *очередь за бутылками* (сдавать бутылки), *прийти (в гости) с бутылкой, бутылка шампанского, ящик бутылок* (коньяка, другого дорогого напитка – в качестве взятки высокопоставленному лицу за услугу), *дать бутылкой по голове* (в драке).

Бутылка и банка, как знаки достатка и полноты, исполнения желания, благополучия, получают и соответствующую интерпретацию: пустая банка – препятствие замыслам, а наполненная – успешную их реализацию, – подводя к мысли о банке, задействуемой в процессе кон-

сервирования, поскольку она пустая – требует заполнения, необходимости от всего отвлечься, ее заполнить, а полная – завершенность и достижение консервирования; полная бутылка (учитывая ее социально-коммуникативную значимость для компаний, приятельства, компанейства, дружбы, достижения желаемого, как форма расплаты, подмазывания) – преодоление всех препятствий в любви, достижение успеха в делах; пустая – борьба с невзгодами.

Пятую группу составляют слова *антилопа, баран, верблюд, генерал, горнолыжник, богатство*, мотивирующую основу которых составляет идея носителя (ассоциатора) свойства, связанного с идеей силы и обладания, и передачи. Тот (или то), что появляется, – передает, энергетизирует, сообщает увидевшему о свойстве, которое внешнее, вне его, ему не принадлежит, но к чему он (увидевший) может оказаться причастен или уже причастен и что может быть также свойством его самого, внутренним его свойством, персонифицируемым, вынесенным из него вовне и им теперь видимым. Таков мотивирующий смысл знаков у данной группы.

Антилопа в сознании русскоязычных ассоциируется с чем-то далеким и иноземным, южным, тропическим, африканским, экзотикой, с сильным, бегущим, тяжелым и легким одновременно, красивым, стремительным, исчезающим, стадом, объектом для хищников, стройностью, таинственностью черных глубоких глаз, женственной красотой и изяществом. Отсюда признаки – *ускользающая мечта и трудность в достижении целей*.

Баран – с представлениями об упрямом, глупом, тупом, кучерявом, безвредном, негибком, до которого туго доходит, которого убедить невозможно, которому объяснить что-либо почти безнадежно, но которого можно легко обмануть, подсунуть ему вместо одного другое.

Баран (два барана) связан с идеей ворот: *Уставился как баран на новые ворота* и стучания (стука, раннего стука) в ворота (знакомая нам уже идея достучаться, добиться, с акцентировкой ко времени, раннему времени, может быть, не ко времени или вовремя – *Кто рано встает, тому Бог дает*): *Рано, рано два барана Застучали в ворота Тра-та-та-та-та-та*. Баран (два барана) связан также с идеей моста (переправы): два барана встречаются на мосту и один другого не хотят пропустить, стоят, тупо сцепившись рогами, пока оба не падают в воду. Баран потому препятствие, досадное, раздражающее своей тупостью, но легко, без труда устранимое, нередко само себя устраняющее.

Верблюд – корабль пустыни – ассоциируется с медленным, но упорным, терпеливым продвижением к цели, выносливостью, способностью долго обходиться без самого необходимого, потому и значение знака верблюда во сне напрямую оказывается связанным с названным кругом представлений о нем: при достаточном терпении ваша цель будет достигнута.

Генерал – высокий чин, высокое социальное положение, беззаботность и обеспеченность, ассоциирующиеся более с представительностью, важностью (*свадебный генерал; Какой солдат не мечтает стать генералом; генеральский чин*), само появление которого, милостивое согласие достаточны для разрешения самых неразрешимых вопросов, его непререкаемый авторитет и барственное могущество все сами решают, генерал – прежде всего и есть барин, боярин, вельможа, заменивший в сознании русских боярина: *генерал Топтыгин, подать прошение генералу, на подписи у генерала, генерал все решает, ведет себя как генерал, ты что генерал (также барин), тоже мне генерал (барин) нашелся и пр., –* в современном сознании получивший развитие: *генеральская дача, квартира, пенсия, дочь, жена, долж-*

ность; генеральский паек, обеспечение, сынок; дослужиться до генерала; муж у нее генерал; выйти замуж (выскочить) за генерала, найти себе (подцепить) генерала. Отсюда легко понять неожиданный успех в деле, считавшемся безнадежно испорченным, следующий из появления во сне всемогущего генерала.

Значение *горнолыжника*, как, впрочем, всех прочих знаков, со спортом связанных, предполагает необходимость выкладывания, проявления силы, стремительности, быстроты, собранности, физической формы и концентрации, решающей все. Идея соревновательности и бега-стремления – определители в спорте – такие же определители в представлениях успеха. Проекция вида спорта представляется обусловленной типом, характером, *видом* затрачиваемых усилий. *Горнолыжник* – это стремительный, головокружительный, захватывающий дух и душу спуск, бег с горы, скок, наводящий на мысль о преследовании, гонимости, гоне, от которого надлежит убежать, о лавине, стремящейся, рушащейся, обрушивающейся вослед (иначе зачем так гнать, душа сознания не принимает не мотивированного стремления и выкладывания сил), посему и значение его связывается с невозможностью промедления: *промедление в деле, которое вы задумали или начали (задумали или начали* – в сознании это то, откуда спуск или куда, в равной мере, с идеей рубежности, начала-конца движения и предела, того, ради чего оно всё), невозможно: все может рухнуть; только быстрота и натиск вас приведут к цели.

Богатство потому оказывается в пятой группе, что для русскоязычного представления оно почти то же, что генерал: некая знаковая идея наделенности и обладания, но внешних, то, к чему можно стремиться, но что реально нельзя получить, что само по себе, в субъектном своем отношении, применительно к субъекту-лицу, всегда нереально. И стремиться-то лучше к нему без

объявления, не проявляя и не показывая, потому что богатство, обладание им опасны, потому что богатство и стремление к нему создают неудобства, порождают неловкость, богатым быть нехорошо, богатый связан, привязан к своему богатству, богатому есть что терять, богатства легко лишиться, богатства могут лишить, лучше ничего не иметь, чем иметь, а потом утратить, богатство создает беспокойство, это хлопоты и несчастья, богатство требует умения вертеться, надо быть всегда начеку, богатый человек нехорош и всем неприятен, богатству завидуют, желая его себе, считая, что тот, у кого оно, его не достоин, а вот если б ему самому или кому другому, забрав его у владельца, потому нужда и богатство всегда рядом живут:

Богатство спеси сродни; Богатство – вода, пришла и ушла; Богатство пучит; Не тот человек в богатстве, что в нищете; Глупому сыну не в прок и богатство; Не с богатством жить, с человеком; Ни конь без узды, ни богатство без ума; Бедность плачет, богатство скачет; В аду не быть, богатства не нажить; Мужик богатый, что бык рогатый; Не проси у богатого; У богатого черт детей качает; Будешь богат, будешь и рогат; Богатому не спится: богатый вора боится; Богатому черти деньги куют; Богатым быть трудно, а сытым (довольным) не мудрено; Богачи – пузачи; У богатого богатины пива-меду много, да с камнем бы его в воду; Бога хвалим, Христа величаем, богатого богатыню проклинаям.

Честно богатства приобрести нельзя, это случай, выигрыш, нередко плохо кончающийся для того, кому он выпал: *дурное богатство; богатые (тоже) плачут; не помогло и богатство; от трудов праведных не наживешь палат каменных.* Посему приснившееся богатство, выпавшее на вашу долю, – к неразделенной страсти, которую лучше попытаться побыстрее погасить, сменив

объект вашего вождения. Зато если разбогател кто-то другой, ваш сон сулит вам неожиданный успех в делах или выигрыш в лотерее.

Богатство, следовательно, хорошо как внешнее, как то, что есть у другого (других), оно хорошо как идея. От чужого богатства можно урвать, получить, оно может достаться тебе (но не следует это желать, это решает случай – как выигрыш в лотерее, который от тебя не зависит, который кем-то решается, определяется, скрытой, потусторонней силой, и для этого не надо кем-то или каким-то быть, оно само за тебя и за всех решает).

Общность *богатства* с *генералом* обнаруживается и в объединяющей их идее неожиданности успеха. Но если генерал – социальное и предполагает проекцию успеха, стимулирование в случае безнадежности и испорченности, отмечая вмешательство сверху в случае необходимости исправления и утраты, то богатство (образованное в русском языке от слова *бог*) – отмечает вмешательство сверху потустороннего, того, что связано с идеей лотереи, судьбы и выигрыша, просто фортуны, поворота ее колеса. Неожиданность – это невидимость, скрытость для человека, неизвестность ему, непланируемость, невозможность для него вмешаться (вмешиваться) в его движение и ход, то, что не зависит от его (человека) усилий, желаний и свойств. Так получилось, так повернулось сейчас для тебя, и это всё, принимай как есть, как данность.

Шестая группа представлена *апельсином* и *вафлями*, с мотивирующей основой объектности желаемого сенситива – то, что желают, хотят, что приятно на вкус, вызывает приятные ассоциации, может быть желанно и что не всегда достижимо. *Апельсин* – экзотический и не повседневный плод, связанный с представлением о празднике, детстве, шампанском, роскошном угощении, столе. *Апельсин* – плод солнечный, теплый, горя-

чий, оранжевый, плод прихотливый, капризный, нежный. Посему есть апельсины – знак скорой радости; видеть, но по какой-то причине не есть – вы можете упустить заманчивую возможность. *Вафли*, как и *конфеты*, тоже не повседневная, праздничная и особого случая еда, связанная с представлением о детстве, желанности для детей (вафельное мороженое), которым могут дать (предложить), но могут и не дать то, что они хотят, и, если уж тебе это дали, ты это получил, ни с кем не делись, никому не давай, сам не угощай этим другого, потому что возьмут – не дадут и спасибо не скажут. Отсюда и выводимое в соннике представление о вафлях: есть их – к получению выгодного предложения; угощать кого-нибудь ими – быть обманутым.

Седьмая группа – *аркан, вязание, гвоздь* – связана с представлениями об акциональном средстве осуществления (реализации), о том, что надо взять в руку, чем надо воспользоваться, чем, орудую, способствовать достижению цели. *Аркан*, при этом, средство поймать, уловить, схватить, притянув, находящееся на расстоянии, отстоящее, для руки поэтому не достижимое. Но управление, пользование им требует умения и ловкости, отсюда *прекрасные шансы добиться победы или успеха, но нужно проявить житейскую хитрость*.

Относительность и орудийная переносимость *аркана* ведет к тому, что, если *аркан* набрасывается или наброшен на вас – *ожидайте сильного удара от врага*. *Вязание* в свою очередь связано с представлением о кропотливой, старательной и тщательной, требующей продумывания и умений работе, отсюда и смысл – *тщательная подготовка вашего плана обязательно обеспечит ему успех*.

Гвоздь – всегда очень нужный, просто необходимый предмет в хозяйстве, основа всего, без чего нельзя, без чего все может рухнуть (*гвоздь и подкова*), на что

все вешается, чем все крепится, – *гвоздь сезона, как гвоздь в башке, засела гвоздем в голове (мысль), повесить на гвоздь, гвоздь из родного дома, как гвоздь в доске (сидеть, не выходить, не двигаться с места), человек-гвоздь, гвозди бы делать из этих людей* (о крепких, несгибаемых, прочных, надежных, упрямых, негибких, твердых и твердолобых), *гвоздить*. Потому и обладание гвоздем (гвоздями) – *к скорому достижению цели; забивать гвоздь (гвозди) – к семейному счастью*.

Восьмая группа – *арык, бутон, гора, горизонт* – имеет основой динамически осуществленное (осуществляемое) ожидание, связана с проекцией представлений о том, что желаемо, что составляет идею и смысл стремления в себе самом, выступает его воплощением.

Арык – как надежда в пустыне воды, обретение влаги в сухом и жаждущем состоянии, климате, прокопанный, прорытый и долгожданный. Отсюда и связь с исполнением самого невероятного (на первый взгляд!) желания; *на первый взгляд!* – потому, что невероятность заложенной в арыке идеи обуславливается тем, что арык все же роется, выкапывается, делается человеческими (т.е. своими) руками и видимый его результат – следствие происшедшей, предшествовавшей, хотя и не очевидной, не видимой перед тем работы. К этому необходимо добавить азиатскую экзотичность арыка – поскольку выкапываемого не собой, возникающего из невидимой и неизвестно чьей работы, как бы и не воздвигаемого, существующего как элемент ландшафта, как все остальное, в чем “я” не участвует (*бутона, горы, горизонта*).

Скорое исполнение желания в *распускающемся бутоне* отмечает идею радости и восхищения, связанных с ожиданием нового и расцвета, распускания цветка. Новое, юное, свежее, потенциальное, не раскрытое, которое само по себе прекрасно скрытой в нем силе роста и красоты, становится осуществленным, достигнутым в

раскрывающемся на ваших глазах бутоне.

Гора создает идею порядка, упорядочения дел только в случае, если во сне вы обозреваете гору. Если вы поднимаетесь на гору – вас ожидают досадные неудобства в предстоящей поездке; если спускаетесь – приятные, хотя и незначительные известия. Подобное положение подчеркивает актуализируемую и желаемую внесубъектность горы: хорошо обозревать гору, смотреть на нее со стороны и издали, любоваться ей как ландшафтом, но не входить на нее, не взбираться (*Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет*), быть от нее подальше.

Гора внесубъектно вызывает ощущение вершинности, упорядоченности, наличия уровней, низа, середины, верха, причастности небу, высшему, горнему, средству высокого достижения и положения. *Гора* в таком своем виде приятно притягивает и ласкает, щекочет взор, сопрягаясь с идеей желаемого достижения, но без участия, само собой, как такового (упорядочение дела, происходящее естественным ходом, развитием как бы внутри себя самого, без меня).

Гора в участии – трудности, неудобства, стеснения, и потому подниматься в гору хуже, чем спускаться с горы, хотя и в спуске нет ничего, кроме идеи освобождения от неудобств.

Такова концептуальная подоплека рассматриваемых значений горы, далеко не единственных из возможных ассоциаций к ней.

Горизонт всегда сопрягается, связывается с тем, что должно открываться, что предстает как ясное и широкое, что внешнее и далекое и что притягивает своей свободой, простором и перспективой: ясный далекий горизонт, увиденный вами во сне, предшествует неожиданному прекрасному предложению, которое вы вскоре получите. Его открывание не зависит от вас, от ваших усилий, свойств, оно вам дается в видении, оно отприродно,

поэтому предложение, т.е. то, что следует, проистекает извне, от другого (других) и высшего, более сильного, и поэтому неожиданное, поскольку желаемое, но не обусловленное от ваших желаний и внесубъектное.

Девятая группа представлена словами *аттестат* и *венок*. Мотивирующая основа – знаковая оценочная отмеченность: венком – награждают, венчают, отмечая успех, победу, как лучшего среди других претендентов; аттестат – вручается и присваивается по достижении результатов, видимых и очевидных. И то и другое становится знаком высокой значимости, отмеченности, социализированной статусности получающего лица: *получить аттестат, аттестат зрелости, сдать экзамены на аттестат; наградить венком, венком победителя, увенчанный*. Перед сдавшим на аттестат, обладателем аттестата, завершившим учебу, открываются новые деятельностные возможности и перспективы, отсюда его значение: хороший знак, предвещающий блестящие перспективы, успешное завершение начатого дела. Венок отмечает идею признания, одобрения, поощрения со стороны других, вполне логично поэтому рассматриваясь как знак достижения успеха, завоевания авторитета.

Десятая, и последняя, группа достаточно многочисленна: *багаж, барак, бревно, вагон, волейбол*. Она отмечает идею приобретения (либо потери) через участие, предполагающее проекцию (замысел, план, приценивание, прикидывание, включение себя заранее с распределением сил и знанием того, как действовать). Это группа про- и ретроспективного опыта, связанного с идеей того, что если делать привычно, привычным образом, то-то и то-то, то что из этого для себя можно приобрести, получить. Посему важны для сновидения последовательно идеи несения багажа *для себя*; проживания, жизни в бараче (если вам приснилось, что *вы* живете в

бараке); удачного перепрыгивания (если *вы* удачно перепрыгнули) через бревно; езды в вагоне поезда или трамвая; участия в волейбольном матче. Это дает одно, неучастие или другое, неудачное и плохое участие, несение багажа другими, дает другое.

Ассоциации с багажом (для несения самому – успех, для несения другими – неприятные хлопоты) связаны с идеей имения, обладания, обретения и беспокойства, хлопот, неудобств. Багаж, если он ваш, это хорошо; если багаж сопряжен с другими, вызывает представление о тяжести, неприятностях доставления, беспокойством, хлопотами, снимающимися, отодвигающимися как бы на второй план, уравниваемыми при его обладании. Себе и свой багаж – надо, стоит и хорошо нести; с другими – все это удовольствия не доставляет.

Проживание, жизнь *в бараке*, отмечая временность, бивачность, лагерность вашего экзистенциального состояния, имеет тенденцию, по опыту лагерной жизни, стать постоянным, не временным и потому препятствующим к обретению, получению, рассчитыванию и возможности другого жилья: одно уже есть, другое, следовательно, уже не положено, его не добьешься, у прочих других и того нет, им поэтому будет положено в первую очередь; раньше вас.

Барак, тем самым, обуславливается впечатлением отстойника: попавший в него субъективно еще ничего не имеет, он как бы по-человечески и не живет, но внешне, со стороны, объективно, он как бы и обладает уже таким чем-то, чего у других и такого нету, поскольку у них никакого нет.

Барак потому всегда взвешенность, неопределенность, и потому, по всем этим названным причинам, вас *поджидает неожиданное препятствие в каком-либо деле*; неожиданное – потому что не зависящее от вас и вами внутренне не принимаемое, вызывающее внутрен-

нее сопротивление в вас; поджидает – потому что, хотя вы знаете, что так бывает, что так может быть, опять-таки внутренне, вы к этому не готовы, вы не примете это. Но ваша готовность и неготовность, принятие и неприятие, согласие или нет ничего не решают, так есть, и вы по опыту знаете и должны знать, что так есть и будет.

Бревно на пути (человек-бревно, становится бревном, бревно упало, бревно в глазу, бревно поперек, нести бревно, тяжелое бревно) всегда препятствие, и потому его надо преодолеть: если вы удачно перепрыгнули через бревно, вам повезет; если вы споткнулись и упали – наоборот, обстоятельства окажутся сильнее вас. Мотивация здесь прозрачна.

Езда в вагоне не слишком приятна и весьма утомительна, хотя вас везут, но продвижение в поезде (или трамвае), с тряской и неожиданностями, вне привычного нахождения дома, вне благоприятствующей обстановки, среди незнакомых людей, в поезде дальнего следования, к тому же, и очень, в России, долгое, – событие невыносимо трудное, поэтому и значение быстрого, но не легкого достижения намеченной цели (поскольку связанной с некоей обязательностью, всякий едет в вагоне с какой-то намеченной целью), вполне понятно, прозрачно и мотивированно.

Волейбол, как всякое спортивное соревнование, связан с необходимостью выкладываться, добиваясь победы на пределе возможностей, на выходе сил, поэтому или вы успеха добьетесь, или ваши старания, а возможно, и жертвы, будут напрасны, потому что в спортивном соревновании можно только или выиграть, или проиграть. Наблюдение за матчем дает другие переживания, тут вы как бы и не участник, полностью не отдавая себя и своих сил, но вы должны быть поглощены происходящим на поле, болельщик себе как бы и не принадлежит, он весь там, со своей командой, поэтому во-

лейбольный матч, увиденный во сне, предсказывает, что успех в любви, которого вы добиваетесь (для вас это что-то да значит), потребует от вас забыть обо всех своих делах (ваша команда может вдруг и проиграть без вашего в этом сочувствующего и поощряющего участия).

Представленные десять групп объединяются в пять, в зависимости от сферы своего проявления и акцентации для субъекта:

- 1) эмоции, эмоциональные состояния, эмоциональные ассоциативы, переживания – **эмотивы**, включающие значения и образы первых двух групп (*алфавит* и *альбом*);
- 2) акциональности, действия – **активны**, включающие значения и образы третьей, четвертой, седьмой, девятой, десятой, и потому самой многочисленной группы (*амбар, банк; банка, бутылка; аркан, вязание, гвоздь; аттестат, венок; багаж, барак, бревно, вагон, волейбол*);
- 3) свойства – **аттрибутивны** – значения и образы пятой группы (*антилопа, баран, богатство, верблюд, генерал, горнолыжник*);
- 4) ощущения – **сенситивны** – значения и образы группы шестой (*апельсин, вафли*);
- 5) возможности, ожидания осуществления, потенциальности – **потентивны** – значения и образы восьмой группы (*арык, бутон, гора, горизонт*).

Материал других словарей, опирающихся в своих трактовках на сложившуюся традицию, дает иную типологическую картину. Обращает на себя внимание прежде всего принципиально иная основа, отмечающая подход к объясняемому. Мотивация чувствуется где-то внутри, где-то в глубинах сознания и ощущений. Логическое объяснение обычно не помогает, а если возможно, то часто поверхностно и не сущностно для предмета. Дело, соб-

ственно, и не в нем, поскольку основа такой мотивации, будучи традиционной, лежит в другой совершенно плоскости. Она пралогична, устроена по закону партиципации (понятия и термины Л. Леви-Брюля, введенные им для определения архаических форм сознания), не по законам привычной нам логики и дефиниций.

Разграничение и определение парадигм сознания применительно к интересующему нас предмету – задача требующая обстоятельности и осторожности. Вряд ли удачным было бы одно основание считать логическим, а другое партиципирующим и пралогическим, не говоря о каком-нибудь третьем. Для сознания современного человека свойственны в равной мере и те, и другие, и третьи формы. Возможно и интуитивное, и чисто логическое, и мистическое, и собственно партиципирующее отношения к себе и объектам, а следовательно, такое же постижение и объяснение их. Любое из названных оснований неизбежно участвует и может быть обнаружено в материале любого словаря сновидений. Суть не в этом. В оттенках и признаках обнаружения или наличия специфичность не проявляется.

Вряд ли разумным было бы находить эту специфику в предпочтительной аксиологичности одного и универсальности, внеобусловленности, внесоциальности у другого. Ценностная ориентированность или, точнее, системоценностная мотивирующая основа характерны, по видимому, для обеих концептуальных оснований-систем. Суть опять же не в этом. Суть, безусловно, в различии системоценностных ориентацией, но это лишь на поверхности, это достаточно очевидно, это то, что заявлено и что дается как когнитивная, познавательная, территориально-социальная (точнее было бы сказать темпорально-социумная) значимость материала “Энциклопедии сновидений”. И суть, основная суть, если можно так говорить, все же и в первую очередь, во взгляде, в ха-

рактуре ориентации, в характере, типе некоей ориентационно-когнитивной, ментальностной базы, признаки которой трудно двумя-тремя словами определить, чтобы не впасть в преувеличение или пристрастность.

Когнитивные парадигмы, управляющие одним и другим сознанием, безусловно, различны. Но дело в данном случае не столько и в этом. Дело в различии объясняющих механизмов, мотивирующих принципов. В конечном счете – попросту в отношении к миру. Мир расчленяемый и внешний, мир отчужденный и прежде всего только ассоциируемый, в ассоциациях для сознания существующий и по ассоциациям для сознания вытягиваемый, – с одной стороны, мир-комбинация, -знак, -расклад для его. И мир включенный и проживаемый, мир-я, мир-состояние, -созвучие и -проживание для его, с другой, что, опять же, ни в коей мере не исключает возможность ассоциируемого существования его для сознания и ассоциируемого для сознания вытягивания. Речь идет об основах, хотелось бы еще раз подчеркнуть, а не о наличии и пересечениях.

Изменение, смена мотивирующей базы, возможно, и не умышленная, но знаменательная, потому как характеризующая, привела к разрушению природы семантики сновидений. Дело не в том, что сны, которые видятся обитателям подвергшейся историческим экспериментам географической полосы, отличны по природе своей от сновидений их предков или других обитателей, дело в том, что сама природа сновидения-сна неизменна, она не зависит от исторических или географических признаков. Она всегда и везде будет в основе своей традиционной, она будет включающей, а не отвлеченной.

Входя в мир сновидения, погружаясь в него, сознание видит себя самого, мир видимого во сне не столько знак-ассоциация мира внешнего, сколько отмеченное, воспринятое состояние себя самого и чего-то другого, ка-

кого-то еще одного мира, в котором сознание наше находится и живет, и мир этот и это наше состояние в нем не меняется от исторических и географических переменных, этот мир до и вне всего того, мир, куда уходят и откуда пришли и куда невозможно внести страдания, страсти и ценности этого мира. Это мир состояний и тождеств, а не мир знаков потерянных в этом мире вещей, которые предстоит найти. Меняться может, по-видимому, трактовка индивидуальных семиотических состояний для сновидений того или иного лица, но не может и не должна меняться основа общего, поскольку, меняясь, она просто перестает ею быть, становясь, следовательно и неизбежно, чем-то другим – проекцией аксиологических состояний парадигм сознания. Таковой она и предстает фактически в изучаемом материале.

Попробуем теперь сопоставить данные одного словаря и другого. В “Соннике” Г. Х. Миллера первое, что обращает на себя внимание в связи с представлением знаков *успеха*, – это значительно большее их количество (при меньшем объеме) и иная устроенность. Знаки не просто имеют другие значения, они выкладываются в какую-то совершенно иную, по сравнению с “Энциклопедией сновидений”, систему.

Отберем для сопоставления материал первых двух букв:

автомобиль – едете в автомобиле – *активность и удачливость в делах; угон – срыв многих замыслов, от которых зависит будущее; выходить из автомобиля – успешное осуществление планов, что принесет Вам заслуженное удовлетворение;*

актеры – актер-любитель на сцене – *скорое осуществление планов, что принесет Вам радость;*

амбар – полный – большое и длительное преуспевание; пустой – бедность и неудачи;
ананас – чрезвычайно благоприятный расклад дел; успех последует в самом скором будущем, если Вы собираете ананасы или едите их; если Вы накололи палец, пока готовили ананасы к столу – Вас приведут в крайнюю досаду те дела, которые в конце концов принесут Вам радость и успех;

антилопа – свои обширные планы Вы сможете реализовать, только затратив массу энергии;

арест – незнакомых людей на Ваших глазах – задуманные перемены Вы не решитесь осуществить из-за тайных опасений перед неудачей; если арестованные оказывают сопротивление – успешное завершение новых начинаний;

аукцион – хороший знак, голос аукциониста, называющего ставки – блестящие перспективы и благоприятный исход рискованных операций; для коммерсанта – удачные сделки; для крестьянина – успехи в разведении скота;

аэроплан – благоприятное завершение некоторых коммерческих дел; авария аэроплана – множество новых планов, которые внесут беспорядок и беспокойство;

банк – не занятые делом кассиры в банке – потери, расстройство в делах; сдавать золотые деньги – легкомыслие, небрежность, неосторожность; получать их – огромная прибыль и процветание; серебро и банкноты, собранные в большом количестве – глубочайшее уважение во всех слоях общества;

банка стеклянная – пустые банки – обнищание и нужда; наполненные – успех;

банкет – в толпе веселых нарядных гостей и с до-

рогой посудой и угощениями – огромная удача в любых начинаниях и счастье в кругу друзей; недружелюбие гостей, нелепые пустые столы – тяжелые недоразумения, размолвки, разочарования;

банкрот – вы сами – в реальной жизни не бойтесь угрозы, напротив, Ваша энергия и уверенность в себе позволит Вам наилучшим образом организовать свои дела;

барабан – слышать – отсутствующий друг в беде и зовет на помощь; видеть – ровные доброжелательные отношения, для моряков и рыбаков – удача и процветание, а также для крестьян и занятых в торговле;

барсук – удача после долгого сражения с судьбой;

бархат – к очень успешным делам; носите бархат – Вас ждет известность; старый бархат – Ваше благополучие страдает из-за Вашей чрезмерной гордости; для молодой женщины в бархатном платье – ее ждут почести;

башня – Вы много хотите добиться в жизни; взбираться на башню – успех; если башня разрушится, как только Вы с нее спуститесь – разочарования;

бежать – в группе других людей – дела пойдут в гору навстречу успеху; бег в одиночестве – Вы превзойдете своих друзей на пути к благосостоянию и займете более высокое место в обществе;

бедро – гладкое и белое – необычайная удача и всевозможные удовольствия; пораненное (покалеченное) – болезни и предательства;

безделье – томиться – неудача в делах, неосуществленные замыслы;

блины – едите – выдающийся успех во всех предпринимаемых делах;

бобер, бобровый мех – видеть бобров – настойчивыми усилиями Вы добьетесь весьма благоприятных результатов;

богатство – обладаете им – Вы будете подниматься по служебной лестнице ко всё большему преуспеванию благодаря постоянному усердию и вниманию к своим делам; удачные, хотя и рискованные, предприятия в деловой жизни; видеть богатыми других – в трудную минуту рядом с Вами будет много друзей;

боеприпасы – успешное завершение начатого дела; иссякшие боеприпасы во время боя – бесплодные усилия, которые ни к чему не приведут;

болото – ходить – неблагоприятные обстоятельства, призрачным окажется ожидаемое Вами наследство, испытаете разочарование в сердечных делах; чистые лужицы во время гуляния по болоту и кочки – Вам удастся удержать удачу;

бородавка – на Ваших руках исчезают – Вы преодолеете все препятствия на пути к успеху;

ботинки – надевать новые ботинки – большая удача в делах, для мужчин – повышение зарплаты; старые – предупреждение против хитрых ловушек на Вашем пути к успеху;

буханки – выпекаемые – удача, любовь и богатство; множащиеся на глазах – огромный успех, счастье любящих;

бык – толстые быки на зеленом пастбище – успех и высокое положение в обществе, о котором прежде Вы не смели и мечтать; быки склонились к траве – состояние Ваше несколько уменьшится, а друзья отвернутся; мертвый бык – знак пе-

чали.

Представленные слова подразделяются по совсем иным основаниям. В этой системе нет таких прозрачно-прямых соответствий, которые можно было увидеть и выявить для предыдущей и смысл которых сводился в конечном итоге к обобщению параметров сенсорного опыта. Отношения здесь более какие-то маркирующе-заряженные, более включающе-стимулирующего и отождествленного свойства. Представляется возможным так и подразделить их сначала на три таких группы – включающе-отождествляющие, знаково-отмечающие и контактно-стимулирующие (симулятивные). Сенсорный и психофизический опыт (скорее все же не опыт, как обобщение практических знаний, а ориентация, как исходное и генерирующее, а не классифицирующее и дефинитивное) также в них отражается и воплощен, но иначе, другим совершенно образом.

В первую группу (включающе-отождествляющих) попадают знаки-слова четырех разновидностей, определяющих, соответственно, дальнейшее подразделение на группы:

- включенное отождествление **средства** как средства реализации, воплощенное продолжение “я”, проявление силы, способности “я”, пространство ее действия и распространения, наглядное выражение такой способности-силы: *автомобиль, бежать, бедро, ботинки*;
- включенное отождествление **роли**, отождествляющее значения самовыражения как роли, проекции, значения-знания, маски, лица, ощущения себя кем-то, каким-то, воплощение меняющегося (или скрытого, неосознаваемого, хотя для сновидения многое не осознаваемо) состояния “я” как умения, реализуемой способности *актер(-лю-*

битель);

- включенное отождествление **состояния**, проявления, ощущения, актуального свойства “я”: *амбар, арест, банк, банкет, безделье, болото, бородавки, быки*;

- исключенная отождествленность, вытесненная обратность отмечаемого, воспринимаемого **состояния** (по действию-проявлению) – защитность, защитная функция, как форма отведенного самоопределения и ощущения-проекции *банкрот*.

Вторую группу (знаково-отмечающих) составляют четыре следующих разновидности:

- знаки параметра **силы**, энергетизации и заряженности: *антилопа, башня, бобер, богатство, буханки*;

- знаки **способствования**, усиления (определения) возможного состояния: *аукцион, аэроплан*;

- знаки отмеченного наличия (отсутствия), знаки **емкости** (внутреннего пространства, объема и формы) ассоциируемого, “привычного” состояния: *банка, бутылки, боеприпасы*;

- знаки выпячиваемого, **объявляемого** достижения: *барсук*.

Третья группа (контагиозно-стимулирующие) включает две подгруппы:

- полноты выражения **качества**, достижения вершины, пика, максимума, содействия максимальнойности ощущения: *ананас, блины*;

- сопровождения **ощущения**, чувственной формы его проявления: *барабан, бархат*.

Сопоставление совпадающих номинативно знаков по двум словарям дает возможность не только увидеть

отличие в способе представления интерпретирующих значений, но и отметить особенности представляющего и описывающего когнитивно-речевого контекста, что позволяет ставить (в дальнейшем) вопрос о моделях лексико-синтагматического когнитивного речевого узуса – выражаемой зависимости значений и ценностных, аксиологических форм сознания от комбинаторного отмеченного притягивания, сопряжения речевых единиц, от их ценностно-парадигматической валентностной обусловленности.

От того (если проще), как привычно они, эти знаки, сочетаясь, сопрягаясь и располагаясь, рождают и вызывают в сознании представление об одобряемых и признаваемых (акцептируемых) социально значениях и значимостях, в какие при этом выкладываются когнитивно-речевые (и образные, метафорические) клише. Процессы эти далеко не всегда осознаются и рефлексированы носителями. Не носителями такие заряженности, будучи не привычны, не воспринимаются, возможно лишь раздражая ощущаемой внутренне и непонятной значимостью.

Совпадающими в двух рассматриваемых словарях оказались, вышли знаки *амбар*, *антилопа*, *банк*, *банка*, *бутылки*, *богатство*. Рассмотрим некоторые из них.

Амбар "Энциклопедии сновидений" статичен и фактографичен. Это фиксация-утверждение, предполагающая, допускающая, вместе с тем, участие, проявление, действие с ним, по нему, а также его и того, что с ним связано, оценку. Это объект приложения силы субъекта, и потому допускающий внутреннюю досаду-упрек (для себя самого, для кого-то другого, не позаботившегося, плохо заботившегося, опустошившего; о другом, о последствиях не подумавшего, вовремя не засыпавшего): Полный амбар – к богатству, пустой – к бедности; засы-

пать зерно в амбар – к счастливому завершению ранее начатого дела.

Контекстно отмеченными, ценностно-когнитивно притягиваемыми выступают лексемы *полный (амбар) – пустой: мешок, ведро, голова, башка, закрома, элеватор, хранилище, склад, машины, кузов, вагоны, грузовики, рефрижераторы, руки, холодильник, сумки* и проч. – образующие когнитивно-речевую оценочную модель для актуализации значения достатка и недостачи, наличия и отсутствия (как следствия разгильдяйства, нерадивости, воровства, бесхозяйственности, допускающих возможность вредительства, необходимость и благоприятные условия распекать, осуждать, возмущаться, наказывать, критиковать, клеймить, злорадствовать, заниматься самоуничижением, самокритикой, инсинуациями, домыслами, клеветой и прочими агитационно-пропагандистскими ухищрениями).

Отмеченными в этом ряду оказываются также лексемы *зерно, засыпать зерно; завершение, завершение начатого, начатое дело*, – обуславливаемые представлениями о хлебе (как самом главном и определяющем, от чего зависит общественное благополучие и народно-хозяйственное благосостояние государства), об общественно-полезной и необходимой, планируемой, распределяемой и нормируемой деятельности (*завершающий год пятилетки, завершение плана, успешное завершение (плана) строительства, начал – закончи, взял слово – держи* и т.д.).

Амбар в "Соннике" Миллера предстает как фрагмент, элемент пейзажа, в сочетании и оформлении проявленными, развернутыми, валентностными картинками. Это *амбар* состояния, он не статичен, он движется, обладая признаком длительности, качественности и степени. Он безобъектен, это не объект участия и приложения сил, поэтому он внеоценочен. Это мыслящаяся, заря-

женная впечатлением и смыслом картина: «Если Вы видите во сне амбар, полный спелым, хорошим зерном: пшеницей, ячменем, а вокруг тучные стада – это знак *большого и длительного преуспевания*. Если же амбар пустой, то *Вас ожидают бедность и неудачи*.» И дело тут не столько в развернутости представленной картины, сколько в позиции, сочетаемостях и мотивационной основе.

Антилопа знаменует собой ускользающую мечту: *достижение ваших целей окажется гораздо более трудным делом, чем вы предполагаете*. (“Энциклопедия сновидений”) Акцентировка на ускользании создает не только нервозность, вызывая желание не упустить, ухватить в последний момент, урвать то, что мимо рта проплывает, что не дается в руки, но и вызывает ощущение змеиности и скользоты, склизкости и скольжения (неустойчивость, относительность, текучесть, плавучесть, взвешенность и неуверенность положения). Слова *знаменовать, мечта* (может ли мечта ускользать?), *достижение, цели; гораздо более трудный; предполагать, чем вы предполагаете, окажется* – лексемные компоненты социально-отмеченных, оценочных стереотипов-клише, и потому неизбежно значимы и электризуют, особенно в сочетаниях друг с другом и таким напряженным сгустком.

Первые четыре (*знаменовать, мечта, достижение, цели*) работают на повышение, подстегивание (*идеями намечаемых рубежей*); *гораздо более трудный* – на предупреждение, упреждение, наставительное, отеческое, руководящее замечание, подводящее к необходимости принимать, соглашаться с позицией верхстоящего; последние три – на распекающие, ничего хорошего не сулящие ноты наделенного правом – контроля, кураторства, наставлений, оценки: *Это совсем не то, что вы предполагаете; Что вы предполагали, что вы, соб-*

ственно, такое можете предполагать? (Кто вы такой собственно, по сравнению со мной?); Раньше надо было предполагать, теперь поздно; Кто же мог подумать, что он такой окажется?; Вот тогда и увидите, тогда и окажется, кто чего стоит и т.п. из подобной сферы.

У Миллера «Видеть во сне антилоп – означает, что свои обширные планы Вы сможете реализовать, только затратив массу энергии.» И это опять-таки пейзажное, а не суетящееся (в ускользающем беге), обширное, следовательно, обстоятельное и надежное, связанное с реализацией, а не химерой (мечтой) животное. Энергетичность его и массовость, множественность числом также не действует стрессогенно, хотя значение и имеет предостерегающий, апеллирующий к необходимости концентрации усилий характер.

Банковские определения по двум сопоставляемым источникам мало чем отличаются внешне:

«Видеть во сне здание банка или внутренние его помещения предвещает материальные потери, неудачи. Сдавать деньги в банк (например, класть их на сберкнижку) означает, что в недавних ваших поступках вы проявили легкомыслие и неосторожность. Получать деньги означает, что вам вскоре крупно повезет, вы добьетесь успеха в любви, уважения в обществе и т.п.» (“Энциклопедия”)

«Видеть не занятых делом кассиров в банке – предвещает потери, расстройство в делах. Сдавать в банк золотые деньги – означает легкомыслие, небрежность, неосторожность; получать их – огромную прибыль и процветание.

Видеть серебро и банкноты, собранные в большом количестве, означает уважение и удачу. Вы будете пользоваться глубочайшим уважением во всех слоях общества.» (“Сонник”)

Любопытны акцентуемые детали. Для "Сонника" трагичны не занятые делом кассиры в банке; в то время как для "Энциклопедии" – само здание банка и его внутренние помещения. Ни о какой огромной прибыли, а тем более процветании в известной отдельно взятой географической и исторической зоне речи быть не может, возможно лишь крупное везение, успех в любви и просто уважение в обществе со знаменательным и т.п., и никак уж не глубочайшее (его удостоиваются (удостаивались) только те, кто был всегда в единственном числе на верху и на виду, но у тех свои, спецновидения) и тем более никак не во всех слоях общества (о каких слоях может быть речь, когда остались одни только «прослойки»?). Не желая никак обидеть уважаемых составителей, можно вспомнить только гордановский метод перепотевания из лесковского "На ножах" как способ такой переделки текста, когда неудобное и/или нежелательное путем перестановок, вставок и выкидышей делается удобным и ловким к пропагандисткой цели, приспособливается к неиспорченному знаниями уму. Приспособливается в данном случае к построенному в одной отдельно взятой стране воображению и отношению к миру, восприятию и видению его.

Банка, бутылка "Энциклопедии" включены, как и амбар, в контекст деятельностного проявления, это акциональные, и потому раздражающие, мешающие, маячащие, напоминающие, стигающие и стегающие предметы (как не выключенная плита, уют, брошенный кран, грозящая катастрофой):

Пустая банка предвещает препятствие вашим замыслам, а наполненная чем-либо – успешную их реализацию.

Видеть во сне полную бутылку хорошо: вы преодолеете все препятствия в любви, добьетесь успеха в делах. Если же бутылка пустая, то

вам предстоит утомительная борьба с разнообразными невзгодами.

Банка и бутылки (мн.ч.) "Сонника" – знаково-статичны и объективны, натюрмортно-пейзажны и внеобусловленны, хотя могут сулить самые неприятные вещи:

Увидеть пустые банки – означает обнищание и нужду.

Увидеть их наполненными чем-либо – предвещает Вам успех.

Если Вы покупаете банки, Ваш успех непрочен, и время разочарования будет тяжелым.

Увидеть разбитую банку – сулит тяжелую болезнь или глубокое разочарование.

Видеть во сне бутылки хорошо, если они доверху заполнены прозрачной жидкостью: Вы преодолеете все препятствия в любви, хорошо устроите Ваши дела.

Если же бутылки пустые – грядущие несчастья опутают Вас крепкими сетями и Вам придется приложить большие усилия и умения, чтобы освободиться от них.

Если все предыдущие сопоставляемые знаки так или иначе в значениях своих совпадали, то представления о богатстве обнаруживают противоположность в трактовках. По "Энциклопедии", богатство хороший знак в случае, когда снится наличие его у другого.

В "Соннике" обладание богатством означает подъем по служебной лестнице ко все большему преуспеванию, связываясь с идеей социализации, деловыми, профессиональными качествами, умением находить общий язык и поддержку в своем окружении; удачу, сопрягаемую с риском, иначе говоря, с необходимостью быть гибким, оперативным, уметь находить выход из по-

ложения.

В "Энциклопедии" акцент изменяется: профессиональное и деловое как качества и умения, как своего рода социализируемое мастерство, перемещается в сферу сексуальных, эротических, чувственных проявлений, переживаний, эмоций. Социализация воспринимается в контексте партнерских и эротических отношений (подмена отнюдь не случайная и характерная для того образа мысли и жизни, о котором речь в связи с актуализируемой ценностной парадигмой).

Проделанный анализ в связи с представленной предметной областью моделей успеха следует рассматривать как фрагмент возможного полного и целостного изучения системы, как первые наблюдения и подходы. Определение смыслов в связи с речевыми контекстами, моделями, внутренней когнитивно-ментальной организацией заявляемого должно иметь результатом, итогом парадигматико-синтагматический уровень определения зависимостей и узуально и ценностно предопределяемой, обуславливаемой парадигмы.

Материал внешне неосознаваемого подсознательного (каковым представляется семиотический материал сновидений, но и не только он) может оказаться именно так и подобным аксионально невидимым образом заряженным и обусловленным, не обязательно означая ментально-когнитивную пропагандистскую заразу и/или бомбу (зараза и бомба она для себя), но всегда и, как правило, не понимаемую, и прежде всего теми (для тех), кому она и о ком. На такой, не слишком многообещающей и унылой, но в дальнейшем, может быть, что с перспективой поиска и обретения, ноте и хотелось бы поставить пока точку.

Июль, 1998 г.

Содержание

Парадигматика сновидений контакта. Троичная модель сенситива.....	3
Открывание двери	3
Разрешение противоречий, или ответ на вопрос	10
Объяснение неизвестного	18
Типы и их разновидности	23
Строение интерпретатива	30
Слова как сенситивные смыслы	38
Ценностные модели успеха по материалам словаря сновидений.....	47
Успех в представлениях русской ментальности.....	51
Знаки-лексемы языкового сознания.....	79

